

A movie poster for 'The Flash' featuring Barry Allen. The poster is dominated by a close-up of Barry's face on the left, showing his blue eyes and beard. The background is a dark, stylized cityscape at night with glowing lights and a sense of motion. Two glowing speed lines, one above and one below the title, suggest super-speed. The title 'АЛИНА АРКАДИ' is in red at the top, and 'СВОД' is in large red letters at the bottom.

АЛИНА
АРКАДИ

СВОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Аркади
Овод
Серия «Перевозчики», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70009528

SelfPub; 2024

Аннотация

Думала ли я, что после внезапной смерти отца мне придётся столкнуться с трудностями, связанными с его деятельностью? Нет. Могла ли предположить, что самый близкий человек окажется предателем, используя меня? Нет. Водоворот событий и людей, преследующих собственные цели, засасывает, исключая шансы выбраться и создавая всё новые непредсказуемые повороты, к которым я не готова. И лишь случайное знакомство дарит надежду на желанное спасение. Но за свою помощь мужчина требует вознаграждение, и кто знает, достаточно ли ему того, что я могу предложить.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	81
Глава 8	93
Глава 9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алина Аркади

Овод

У каждой случайности есть своя цель.

У каждого случая есть свой смысл.

«Жизнь в ритме рока»

Правила перевозок:

1. При регистрации Перевозчику присваивается уникальное имя, которое позволяет его идентифицировать. Имена не могут повторяться.

2. Каждый Перевозчик имеет свою категорию: 1, 2, 3. Стоимость услуг напрямую зависит от категории. Перевозчик имеет право сменить категорию или работать по всем, о чём обязан оповестить Организацию.

3. Заказ считается принятым в работу после согласия Перевозчика и внесения предоплаты в размере 50% от общей стоимости услуги. Оплата производится любым удобным для Заказчика способом. Вторая часть вносится после выполнения заказа. В случае отказа от оплаты Заказчик вносится в чёрный список пожизненно.

4. Все риски, связанные с транспортировкой пассажира (посылки), Перевозчик берёт на себя.

5. Пассажир (посылка) должны быть доставлены в ука-

занное место, несмотря на трудности, возникающие в пути. В случае невыполнения заказа в указанные сроки, Перевозчик обязан вернуть предоплату и выплатить 20% от общей стоимости услуги Заказчику за доставленные неудобства.

6. Перевозчик вправе аннулировать заказ на любой стадии выполнения в случае личного оскорбления или прямой угрозы жизни от пассажира. Заказчик заносится в чёрный список пожизненно.

7. Заказчик обязан оповестить Перевозчика о содержимом посылки (кроме документов и электронных носителей), если Перевозчик относится ко 2 или 3 категории.

8. Перевозчик использует личное транспортное средство, отвечающее качеству перевозок и удовлетворяющее запросы Заказчиков. Обслуживание и оформление необходимой документации является обязанностью Перевозчика.

9. Все Перевозчики, зарегистрированные в Организации, проверены и соответствуют заявленной категории.

Дополнение:

В случае гибели пассажира или утере посылки, Перевозчик возмещает убытки любым удобным для Заказчика способом.

Глава 1

Майя

– ...Сплавлю мелкую сучку Тафанову, и мы сможем приступить к обустройству нашей с тобой жизни. Да-да, дорогой, ты сразу ко мне переедешь, никак иначе. А зачем, милый? Огромный дом с садом, бассейном и теннисным кортом. Я привыкла к пространству и собственной территории, где меня никто не видит. Хоть голой ходи... – Влада мелодично хохочет, накрытая неестественной радостью, сквозь которую пробивается фальшь. – Конечно, милый, нас никто не будет ограничивать. Сегодня важный вечер. До встречи. Мур!

Мачехе чуть за сорок, но выглядит моложе: ухоженная, подтянутая, стильная, умеющая себя подать. Именно так она себя и подала девять лет назад отцу, который увивался за ней, словно преданный пёс, выслуживаясь и пригибаясь. Как только Влада появилась в доме, я поняла, что наши тёплые отношения с отцом закончены и начинается новая глава семьи Потоцких: папа, Влада и Наташа. Без меня.

Сводная сестра умело перетягивала на себя одеяло, привлекая отца к совместным занятиям и поездкам, пока я училась в закрытом лицее, посещая дом раз в два месяца. И это время было по праву моим: папа отдавал всего себя единственной дочери, то есть мне, отодвинув в сторону Владу

и Наташеньку, откровенно фыркающую по поводу и без. Слишком много места заняла эта змея в жизни отца. Всегда умело поддевала, напоминая, что папа старше, и ему нужно очень стараться, чтобы такая привлекательная женщина, как Влада, и дальше оставалась рядом с ним.

Слышал бы он сейчас её слова... Я подозревала, что мачеха не верна папе, но доказательств не было, а он поверил бы лишь в том случае, если бы увидел собственными глазами. Но с момента похорон прошло три дня, и Влада, не стесняясь меня, обговаривает будущее с каким-то мужчиной, да ещё и планирует привести его в *наш* дом. Он должен достаться мне, потому что был выстроен до заключения брака, но сегодня мачеха притащила какого-то адвоката, который долго и нудно объяснял, что имущество отца достанется жене. Добавил, если бы покойный оставил завещание, всё было бы проще... И что-то такое отец совсем недавно говорил, но я почти не слушала, и последние три дня в моей памяти вспыхивают лишь отдельные бессвязные слова.

Неожиданная новость о смерти папы ошеломила и размазала. Единственный на этой земле родной человек покинул меня, оставив рядом с Владой, которая мгновенно заявила, что намерена избавиться от меня. Вот только я не сразу поняла как, предположив, что меня вышвырнут из дома, но змея придумала нечто иное, заявив, что мне предстоит выйти замуж. Встреча с женихом состоится сегодня.

Уловив удаляющиеся по лестнице шаги, выуживаю теле-

фон из-под подушки и набираю сообщение.

Я: Знакомство сегодня. Она ничего не говорит о сроках. Я не хочу замуж!

Тимур: Не волнуйся, киса, я всё подготовил. Устроим побег на днях, пока змея будет готовиться к свадьбе.

Прижимаю телефон к груди, закрыв глаза и мысленно отдавшись в руки Тимура. Уверена, он готов на всё, только бы мы оказались вместе. И плевать, в каком направлении придётся бежать, главное, с ним.

Я: Люблю тебя.

Тимур: И я тебя. Всё выгорит.

Заталкиваю телефон обратно, предварительно отключив звук и вибро. Влада забрала у меня новый, не предполагая, что в запасе имеется старый, который я нашла в маминой шкатулке, где хранила важные для себя вещи. Скорбящая Влада откровенно переигрывала, показывая публике убитую горем женщину, лишившуюся любимого мужчины, поэтому наш диалог с Тимуром на похоронах остался незамеченным. А потом ресторан и множество людей, высказывающих соболезнования. Я почти никого не знала, но люди, пришедшие проводить отца в последний путь, выглядели солидно.

Я до сих пор толком не знаю, чем занимался папа. Он всегда называл себя «банкиром», но сколько помню, никогда не ездил в офис, зато имел серьёзную охрану и безграничные средства. Думаю, Влада в курсе особенностей деятельности мужа, но вряд ли мне суждено получить от неё информацию.

Звук открывающихся ворот заставляет прошмыгнуть на балкон и сесть на корточки. Сквозь кованые прутья вижу два внедорожника, всплывающих на территорию. Влада несётся на высоченных шпильках к гостю – крупному мужику со значительным брюхом, свисающим над ремнём. В надвигающихся сумерках могу рассмотреть лицо, кажущееся знакомым. Именно он произнёс на похоронах длинную речь в память об отце. Это и есть жених? Чёрт, он же старше отца. Навскидку ему лет шестьдесят, а то и больше. Великолепную партию мне подобрала Влада. Но есть надежда, что козёл быстро откинется, или я сама придушу его в тот момент, когда он протянет ко мне свои пухлые сардельки.

– ...Герман Янович, она ждёт не дожждётся, когда станет вашей, – щебечет мачеха, семеня рядом с мужиком. – Я уже обо всём договорилась: послезавтра едем в ЗАГС, а забрать Майю вы можете прямо сейчас.

Сейчас?! Тело сковывает ужасом, а конечности немеют. Не дышу, вслушиваясь в беседу парочки, застывшей под моим балконом.

– Стремление приветствуется, – отвечает равнодушно мужчина. – Её задача молчать и выполнять приказы. Будет хорошей девочкой – дольше проживёт.

Дольше проживёт... Господи, что происходит? И зачем я ему? Когда Влада объявила о скорой свадьбе, я была уверена, что «жених» хочет заполучить молоденькую жену, поддавшись модным веяниям. Я неоднократно наблюдала, как

в гости к отцу приезжали солидные знакомые, сопровождаемые девушками на тридцать-сорок лет моложе, но то, что озвучивает мужик, наталкивает на тягостные мысли.

– Потерпите полгода, – уговаривает собеседника Влада, – а потом делайте с ней всё, что пожелаете. Поверьте, в случае неблагоприятного исхода никто о Майе не вспомнит. Кроме Васи, никого в её жизни нет.

Не было... Хочется поправить мачеху, вероятно, уже забывшую, что отец в её жизни существовал. В траур она не облачалась, поэтому сейчас на ней ярко-красное блестящее платье с разрезом до бедра.

– Напоминаю об условии, – добавляет мужчина. – Приданое должно уехать в комплекте с ней.

– Конечно-конечно, всё подготовлено. Охрана займётся загрузкой.

Меня или что-то ещё? В любом случае сегодня я покину свой дом.

Парочка приходит в движение, скрывшись в доме, а машины гостя медленно катятся по территории, свернув на парковку за особняком. Транспорт туда отправляют только в случае, если гости планируют задержаться, чтобы освободить проезд вновь прибывшим. Будет ещё кто-то?

Но и эта мысль гаснет, когда прокручиваю слова Влады, особенно ту часть, где через полгода я могу расстаться с жизнью. Никто не поможет и не вспомнит о той, что сейчас свернулась на балконе в позе эмбриона, не понимая, как выбрать-

ся. От жалости к себе отвлекает звук отъезжающих ворот. Чёрный тонированный Мерседес останавливается на месте, где несколькими минутами ранее были припаркованы внедорожники.

Переползаю к краю балкона, чтобы рассмотреть гостя. Неужели мачеха подготовила несколько вариантов для меня? Мне позволят выбрать? Полумрак, накрывший дом, разбавляет свет фонарей. Вижу мужчину, идущего уверенным ровным шагом к дверям. Блондин в кипенно-белой рубашке крутит головой осматриваясь. Он здесь впервые? Кажется, он чувствует мой взгляд и поднимает голову, уставившись на балкон, но я точно знаю, что меня не видно. Прилипаю к прутьям, когда открывается массивная входная дверь и слышится монотонная мужская речь. Не разобрать.

– Я к делам Василия отношения не имею. Что и кому он должен, меня не касается. Платить не буду! – раздражённо говорит Влада.

Он точно не гость. Приехал за деньгами. Вот только за что плата? Вновь говорит мужчина, а затем оба скрываются в доме.

Иду в комнату, чтобы приоткрыть дверь и столкнуться с охранником, который с момента похорон не отходит от меня.

– Вернись в комнату, – рявкает. – Тебя позовут, когда придёт время уезжать.

Возвращаюсь в помещение и наматываю круги по комнате, ища выход из ситуации. Меня заперли здесь в день смерти

отца без права свободного передвижения и звонков. Влада отобрала телефон, не зная, что я найду другой. Мой самый первый аппарат, который когда-то подарил папа, я сохранила как память. Даже подумать не могла, что он когда-нибудь пригодится. Но это лучше, чем ничего. Из комнаты вынесли почти всю одежду и обувь, чтобы не сунулась на улицу, а также Влада изъяла компьютер и мои документы. Возможности сбежать нет, так как по периметру натыканы камеры и прогуливаются охранники, теперь исполняющие приказы мачехи.

Выхожу на балкон в поисках варианта спасения. Закусив губу, осматриваю территорию, утыкаясь взглядом в мерс. А если... Шальная мысль пробивается настолько резко, что я начинаю задыхаться. Блондин покинет дом, как только прояснит важные вопросы. Его приезд Влада не планировала, а значит, именно с ним я могу сбежать. А что сделать? Кричать, просить о помощи, плакать? Ему, скорее всего, всё равно, что какая-то девчонка оказалась в критической ситуации. Поэтому нужно оказаться с ним рядом так, чтобы он не знал.

Прыгать со второго этажа не лучшая идея. Как там в фильмах делают? Сдёргиваю простынь с кровати и скрепляю тугим узлом с пододеяльником, как мне кажется, крепко и надёжно. Привязываю к перилам балкона, отключаю телефон, засовываю в шорты и повторно осматриваюсь. Камера рядом с балконом направлена на въезд, и если спуститься с другой

стороны, я останусь незамеченной. Но остаётся охрана. Парни проделывают один и тот же маршрут, который я отследила ещё позавчера, для развлечения засекая время. И вот сейчас один из амбалов Влады топчется у высокой пихты, чтобы через минуту двинуться дальше и завернуть за угол.

Перекидываю импровизированную верёвку и перемахиваю через перила, чтобы повиснуть на тряпке. Едва держу вес собственного тела, пытаюсь не сорваться. В фильмах всё кажется так просто...

Перехватываю руки, опускаясь ниже, задеваю ладонью стену, оцарапав кожу, и шиплю от боли. Сама себе приказываю заткнуться и еду вниз, спрыгнув и приземлившись на колени. Ладони горят от трения, и яжимаю их между бёдер, задавив вскрик от боли. Не время жалеть себя. У меня один шанс на миллион, и я не имею права его упустить. Крадусь к машине перебежками, прижимаясь к пихтам и стараясь не попасть на камеру. Я точно знаю слепые зоны. Примо-стившись у одного из деревьев, бросаю взгляд на окно первого этажа, где располагается гостиная. Мой «жених» сидит за столом, улыбаясь Наташе и поглаживая её ладонь. Кажется, эти двое симпатизируют друг другу. И почему бы Владе не подсунуть жирному хряку свою принцессу?

Сердце бешено колотится, а адреналин, растекаясь по телу, отдаётся под кожей покалываниями. Безумно страшно. Настолько, что ладони потеют, а глухая боль в пустом желудке неприятно клокочет. До мерса остаётся два метра, и, сде-

лав шаг, останавливаюсь. Если забраться в салон, блондин сразу заметит и вышвырнет меня, а мачеха жестоко накажет за попытку побега. Единственный вариант – багажник. Если повезёт, туда мужчина полезет не сразу. Преодолев оставшееся расстояние, поднимаю крышку багажника. Мысленно радуюсь, что гость не заблокировал машину, потому что о сигнализации я подумала уже после, и запрыгиваю, опустив крышку. Именно запрыгиваю, не посмотрев, что часть багажника занята двумя сумками, которые наполнены чем-то твёрдым и неприятно упирающимся мне в бедро.

Чуть сдвигаю содержимое, оценив вместительное пространство, мягкое покрытие и запах чистоты, словно час назад автомобиль побывал на мойке. Вполне удобно, если не считать причин, которые меня сюда привели. Главное сейчас, чтобы охранник не увидел свисающую с балкона «верёвку», а блондин не задержался надолго в доме.

Не успеваю оформить мысль, как водительская дверь открывается, а затем машина немного проседает под весом мужчины. От неожиданности едва не вскрикиваю, с силой зажимаю рот ладошкой и жду. Сдаёт назад, чтобы выполнить разворот и нажать на газ. Небольшой крен, и автомобиль выравнивается, чтобы сразу набрать скорость.

Получилось! Сжимаюсь в комочек, подогнув ноги и закрыв глаза. Сбежала от мачехи и предложенной партии. Пусть катятся в ад или к чёртовой матери, главное, подальше от меня и моей жизни. Основное удалось – покинуть пе-

риметр дома. *Моего* дома. Или давно не моего? Он перестал быть моим, как только порог переступила Влада, тут же установив свои правила и поставив доченьку на пьедестал.

И пока машина неслышно ползёт по дороге, обдумываю дальнейшие действия. Я могу незаметно покинуть своё укрытие, когда блондин окажется на заправке, позвонить Тиму и укатить в счастливую жизнь с любимым. Проблема в том, чтобы водитель не заглянул в багажник раньше времени, найдя непредвиденный груз. Вряд ли он будет доволен, а что сделает, найдя меня, одному богу известно.

В какой-то момент слышу мужской голос, но слова разобрать не могу. Он говорит спокойно и недолго, а затем музыка становится немного громче, заполняя и багажник. Машина едет мягко, успокаивая моё взбесившееся сердце и мысли, разрывающие голову. Теперь остаётся ждать, когда блондин свернёт на заправку, чтобы через несколько часов оказаться в объятиях Тима.

Глава 2

Мне кажется, я здесь бесконечно долго. Тело затекло и приходится менять положение, насколько позволяет пространство багажника. Автомобиль сбавляет скорость, а через несколько минут останавливается, и водитель выходит. Громкие звуки, голоса, и над головой негромкий скрип, а затем поток бензина, наполняющего бак.

Наконец-то! Шарю по крышке, толкаю её, но ничего не происходит. Никакой кнопки или защёлки. Твою мать! Влипла по самое не могу, потому что багажник не открывается изнутри. Не поддаётся, какие бы манипуляции ни совершала. Чёртова дура, не продумавшая этот момент. Спустила пять минут пыхания, сдаюсь, готовая взвыть. Достāju телефон, включаю и... Тёмный экран. Аккумулятор сдох. Старенький аппарат держит зарядку недолго и сейчас решил умереть, чтобы не оставить шансов выбраться отсюда.

Ликование, которым я упивалась несколько часов, стихает, уступив место панике. Острой и пронизывающей тело. Куда он едет? И по пути ли нам? Сомневаюсь. И пока машина стоит на месте, шарю ладошкой в багажнике, нащупываю молнию сумки, тяну и уверенно в неё ныряю. И то, что попадает в мою руку, пугает. Пистолет. Ещё один, затем нечто овальное, длинное и холодное. Какая-то коробочка, которая не открывается, квадратные пакеты, бутылки, вещи. Кто он та-

кой? Судя по содержимому сумки, мне лучше не знать и свалить отсюда, пока мы не познакомились лично.

Автомобиль трогается, через пару минут набирает скорость. Затихаю, ожидая остановки. По моим подсчётам глубокая ночь, которую он должен где-то провести. Но есть простой вариант – спать в машине. Уверена, у него есть дом или квартира, а возможно, и семья, к которой он направляется. В присутствии женщины и детей не тронет? Отпустит? Я ему ни к чему. Вот только я не подготовлена к дороге в одиночку, одетая в шорты, футболку и носки. Нет обуви, документов и денег. И об этом я задумалась только сейчас...

Не знаю, сколько проходит времени, но машина останавливается, а блондин заглушает мотор. Покидает водительское место, и шаги приближаются к багажнику. Сейчас он его откроет и... Что сделает?

Крышка поднимается, и я тут же сажусь, обхватив колени руками и сосредоточившись на мужчине. Удивление на его лице отсутствует – никаких эмоций. Лишь испытывающий взгляд, сканирующий моё тело. Приятное лицо с выступающими скулами и в меру полным ртом привлекает, заставляя всматриваться, чтобы почти потерять сознание от удивительных глаз: светло-голубые, прозрачные, словно выцветшие и неживые. Одна его рука удерживает крышку, вторая расслабленно опущена. Гляделки затягиваются. Ожидаемой реакции нет. Не представляю, что делать, а главное – говорить.

– Выходи. – Голос с хрипотцой подталкивает к действиям, и через секунду оказываюсь стоящей на улице.

Окидываю взглядом окрестность, понимая, что нахожусь в спальном районе, сплошь усеянном старыми пятиэтажками. Не знаю, где оказалась, кем является блондин и как связаться с Тимом. Топчусь на месте, обхватив себя за плечи. Сейчас август, но отчего-то дрожу. Адреналин даёт о себе знать?

Выжидаю удобного момента, чтобы задать вопрос блондину. Он наклоняется над багажником, подхватывает сумку, опускает крышку, щёлкает брелоком и... уходит. Молча и равнодушно идёт в направлении подъезда, оставив меня посреди пустынного двора в свете единственного фонаря, силы которого, как и мои, на исходе.

– Помогите мне, пожалуйста, – кричу вслед, заставив блондина остановиться и застыть спиной ко мне. – Мне надо позвонить. Телефон сел, обуви нет, денег нет...

Но мои слова гаснут, врезавшись в прямую спину. Блондин просто идёт дальше и скрывается за дверью. Серьёзно? И если сначала я находилась в плену у страха, не смея предсказать реакцию мужчины, то сейчас в замешательстве. Обдумываю план дальнейших действий и понимаю, что без обуви и понимания, где оказалась, далеко не продвинешься. Радость от спасения сменяется растерянностью.

Делаю несколько шагов, чувствуя, как мелкие камешки с болью впиваются в ступни. Иду к соседнему дому, отме-

чая череду тёмных окон, устрашающе смотрящих на меня. Ни людей, ни звуков, ни вариантов. Накрывает паника. Тепло трясётся, а изо рта вырываются тихие жалобные звуки. Дрожащими пальцами нажимаю на кнопки телефона, не подающего признаков жизни. Иду обратно, застыв у машины блондина, а затем рвусь к подъезду. Железная дверь заперта. Опускаюсь на старую лавочку без нескольких перекладин и стараюсь отдышаться. Паника не располагает к нужным мыслям.

Шорох листвы привлекает внимание, когда из-за угла появляются две фигуры. По мере приближения понимаю, что в мою сторону направляются двое мужчин, а когда подходят ближе, слышу нетрезвую речь, перемежающуюся с матами. Отодвинувшись на край лавочки, жду, что останусь незамеченной.

– О, Колян, смотри, – тычет в меня один из них, мужчина за тридцать с разбитой губой и огромным синяком под глазом, – какая цыпа в наши края забрела! Привет, сладкая, ты потерялась? – медленно приближается, пригнувшись, чтобы рассмотреть моё лицо.

– В каком городе я нахожусь? – В данный момент угрозы от них не исходит. Парочка перебрала с алкоголем, и только.

– Ничего себе! Заблудилась? Или тебя здесь скинули?

– Скинули? – не совсем понимаю, что мужчина имеет в виду.

– В километре отсюда стоянка дальнобойщиков и точка с

проститутками. Ты из этих? Из них?

– Я не проститутка! – гордо выпячиваю подбородок, чем провоцирую того самого Коляна, который несколько минут пытался взять под контроль опорно-двигательный аппарат.

– Докажи! – мямлит Колян, приближаясь и нависая надо мной. – Смотри, Петюнь, точно шлюху кто-то скинул, – тычет на мои ноги, – босая. Что, плохо работала? – изображает странный жест, шевеля языком за щекой. – А на рожу ничё вроде, – цепляет пальцами мой подбородок.

– Да она красотка! – вмешивается Петюня. – И пахнет вкусно, – утыкается носом в мою макушку и вдыхает.

– Убери руки! – вскакиваю, отходя на пару шагов, и прикидываю, в какую сторону бежать. Хотя где гарантия, что через двести метров не встречу подобную парочку?

– О, какие мы нежные! – гогочет Колян, расставляя руки и надвигаясь на меня. – Иди сюда, милая. Кис-кис-кис!

Продолжая пятиться, не совершая резких движений, чтобы не спровоцировать мужчин, которые вдвоём значительно сильнее меня, несмотря на значительную дозу алкоголя в их организме. Упираюсь спиной в препятствие и просчитываю варианты отхода, решая, в каком направлении рвануть. Они заходят с разных сторон, словно хищники, загоняющие добычу и решающие, когда напасть. На секунду отвлекаются, поглядывая друг на друга, и я, сорвавшись с места, дёргаюсь в сторону. Но что-то острое впивается в кожу, принося дикую боль, и дальше я прыгаю на одной ноге, понимая, что

проиграла. Мужские руки обхватывают сзади, а в нос бьёт мерзкий запах перегара и немытого человеческого тела. Барахтаюсь, отбиваюсь, размахиваю конечностями что есть силы и пытаюсь кричать, когда рот накрывает ладонь, которую я тут же кусаю.

– Сука! Не рыпайся! Не станешь орать, мы с Коляном будем нежными, – шепчет на ухо, а от представленной картинки начинает тошнить.

– Да пошёл ты! – не приняв угрозу всерьёз, продолжаю вырываться и получаю пощёчину.

Трясу головой, отгоняя звон в ушах. Слезы катятся сами собой, но я их не замечаю, продолжая сопротивляться и в какой-то момент попадая Коляну в пах. Он воет, сгибаясь пополам, а второй звереет, сжимает меня и трясёт. А затем чувствую, как рука ныряет под резинку шорт и шарит по моей ягодице. Раскачиваюсь и виляю задницей, чтобы стряхнуть его руку, которая вцепилась намертво. Вырываюсь, теряя силы и надежду, что останусь нетронутой двумя алкашами, но тело позади внезапно пропадает, а Колян, который секунду назад корчился на земле, ползёт в сторону, глядя куда-то за меня.

Тихо. Лишь моё частое дыхание и всхлипы делают живым это место. Округлившись до невероятных размеров глаза Коляна настораживают, и я боюсь повернуться. Что там, за моей спиной? И где второй? Его не слышно. Спустя бесконечное количество секунд, поворачиваю голову и тону в

блѣклой голубизне моего случайного незнакомца. Стоит не шевелясь, перекатывая губами сигарету. Глубоко затягивается, и ярко-оранжевый огонёк заставляет на нём сосредоточиться, а затем откидывает окурок в сторону и выпускает дым мне в лицо. Глаза режет от густого облака, и пара слезинок скатывается по щеке. Я, будто пригвождѣнная к месту, даже дышу через раз, ожидая реакции блондина. Он услышал мои крики и пришѣл на помощь или же случайно оказался здесь, например, спустившись к машине?

– Если не хочешь занять место рядом с другом, забирай его и вали.

Он смотрит на меня, но адресованы слова тому, кто находится за моей спиной. Бросив взгляд в сторону, вижу тело мужчины, в руках которого я билась, и небольшую лужицу крови, образовавшуюся из потѣков. Колян у не нужно повторять дважды, и уже через пару секунд он тащит тело друга туда, откуда они появились.

– Спасибо, – произношу шѣпотом, понимая, что эти двое оставили меня в покое только благодаря блондину.

Он молчит, напряжѣнно меня разглядывая, словно решает, как поступить с той, что случайно оказалась на его пути. Минута, две, три... А затем вскидывает руку и хватает меня за шиворот. Взмываю над землѣй и вишу в воздухе, словно беспомощный котѣнок. Не сопротивляюсь, когда попадаю в тѣмный подъезд, когда гулкие тяжѣлые шаги отдаются эхом от стен, когда исчезают ступени, сменяясь лестничны-

ми клетками, когда попадаю в полумрак прихожей, где меня осторожно ставят на пол. Не могу назвать его огромным, но то, с какой лёгкостью он поднял моё тело и пронёс два этажа, заставляет покрыться липкими мурашками ужаса.

– Здесь стой, – отдаёт приказ и, скинув туфли, проходит вглубь комнаты.

Опускается в кресло и оказывается в зоне видимости. С моего места заметен лишь он, и исключено остальное пространство.

– Кто ты?

– Майя, – называю имя, но добавляю: – Потоцкая.

– Вторая дочка Банкаира?

– Единственная. Родная.

– А та, что я видел сегодня в доме?

– Наташа. Сводная сестра. Отец женился на её матери девять лет назад. Влада – моя мачеха.

– Становится понятно, почему она мало похожа на скорбящую вдову.

– А на кого похожа?

– На блядь, которая тянется к члену незнакомого мужика. – Уголки его губ слегка дёргаются в подобии улыбки. Что ж, характеристика вполне подходит мачехе. – Почему оказалась в моём багажнике?

– Отец умер. Адвокат сказал, что я ни на что не имею права, всё получают мачеха и её дочь. Идти в суд не имеет смысла, да и счета Влада сразу перекрыла. Думала, она просто вы-

швырнет меня, но всё оказалось иначе. Меня заперли, приставили охрану, а потом объявили, что я выйду замуж за какого-то папиного друга, который старше меня лет на сорок. Сегодня «жених» приехал знакомиться, а из подслушанного разговора я поняла, что от меня избавятся через полгода. Я просто вещь, которую отдали за ненужностью, – произношу и давлю всхлип отчаяния и страха, предполагая свою судьбу в случае, если бы план мачехи осуществился. – Увидела вас и поняла, что только так могу выбраться.

– Дальше.

– Связала простыни, спустилась со второго этажа, забралась в багажник. Планировала свалить на заправке, но оказалось, что изнутри открыть его нельзя.

– Ты об этом не знала?

Отрицательно мотаю головой, потому что всегда находилась на заднем сиденье. Интересоваться такими нюансами не было повода.

– Что планировала делать дальше?

– Позвонить своему парню и сбежать.

– На заправке?

– У меня есть телефон, – ныряю в шорты и достаю аппарат. И как козёл, который меня лапал, не вытащил? – Мачеха забрала мой, но у меня был этот: старенький, но работает. Только быстро разряжается. Пыталась позвонить из багажника, но он сел. Если вы позволите немного подзарядить батарею и позвонить, я уеду.

Заканчиваю речь, надеясь, что он меня услышал. Блондин не двигается, окутанный полумраком и разливающимся по комнате страхом. Моим. Уверена, он ничего и никого не боится. Такие не боятся. Страх вызывают они. Два пьяных мужика едва не обделались, встретившись с ним. А может, и обделались. Один точно. Жив ли он? Если нет, мне не жалко.

– Я мог тебя убить. – Его голос звучит ровно и спокойно, будто он говорит эти слова каждый день.

– Даже это лучше, чем ублажать старого козла.

Не знаю, насколько действенным является высказанный аргумент, но блондин поднимается, чтобы приблизиться. Останавливается в шаге от моего дрожащего тела. Я боюсь не его – он вызывает во мне иное чувство, странное чувство безопасности. Хотя, казалось бы, именно его сейчас следует опасаться.

– От тебя несёт бензином и псиной.

– Видимо, на мне остался его запах.

Под «его» подразумеваю мужика, который так сильно прижимался, что я пропиталась вонью.

– Я хочу, чтобы ты приняла душ.

– Ч-что? – поднимаю голову, предполагая, что он шутит, но лицо мужчины спокойно и серьёзно. Не шутит. Вряд ли вообще умеет.

– Люблю чистоту. Везде.

– Скажите, куда идти, – без пререканий соглашаюсь на условия хозяина, иначе он выставит меня за дверь, и кто зна-

ет, может быть, у подъезда меня ждут те двое.

– На носке кровь, – опускает глаза, рассматривая мои ноги.

– Когда бежала от них, наступила на что-то острое. Возможно, стекло. Но я могу дойти на носочках...

Обхватывает меня и поднимает в позе солдатики. Несёт в ванную комнату и ставит в душевую.

– Сядь на выступ.

Подчиняюсь, устроившись на полочку, прикреплённую к стене. Снимает один носок, бросая в мусорное ведро, а затем осматривает повреждённую ступню. Резкая боль пронзает тело.

– Гвоздь. Небольшой, но кожу пробил. Ржавый и грязный, – крутит пальцами предмет, показывая мне. – Сиди так, не двигайся.

А я никуда и не собираюсь. Оставляет меня, но возвращается с бутылочкой и прыскает на кожу. Понимаю, что он принёс средство для обработки ран. Толкает мою ногу, позволяя опустить. Стоит, осматривая меня. Под этим сканирующим взглядом становится не по себе.

– Вещи снимай. – Открываю рот, чтобы возмутиться, но мои слова не имеют смысла. – Они воняют и не совсем чистые. Закину в машинку, через час будут сухими.

Снимаю футболку, затем шорты, спортивный топ, закрыв рукой грудь. А потом осознаю, что он ждёт, когда я оголюсь полностью. Не знаю, в каком месте сейчас моё стеснение, но

точно за пределами этой душевой и даже квартиры. Отдаю одежду и застываю, пока блондин дотошно меня осматривает. Перемещается медленно, начиная с пальцев ног и двигаясь выше, зависнув в районе паха. Да, я рыжая. Причём везде. Оторвавшись, его взгляд перемещается на грудь. Соски затвердели, привлекая излишнее внимание. Реакция на прохладу и напряжение. Чиркает по шее и сосредотачивается на моих глазах. С минуту упивается тем, как я на него реагирую, надеясь впитать мой страх. Но его нет. Я слишком устала, вымотана и хочу оказаться рядом с Тимом, подальше от мачехи и проблем.

– Повернись, – приказывает, а я подчиняюсь.

Стягивает резинку, распускает тугую косу, и рыжие кудри разлетаются в стороны, опускаясь до лопаток. Не дышу, ожидая дальнейших действий, но блондин протягивает руку к крану и включает воду. Струя бьёт в живот, окатывая ледяной водой, и я отшатываюсь взвизгнув. Врезавшись в мужчину, который обхватывает меня, застываю. Его ладонь покоится на моей груди, а я дрожу от холода и неожиданности.

– Она холодная, – оправдываюсь, не решаясь скинуть с себя его руку.

– Уже нет, – подталкивает в спину под поток воды и закрывает стеклянные дверцы.

Встаю под душ, искоса наблюдая, как блондин закидывает мои вещи в стиральную машинку и включает. А затем просто выходит, и только в этот момент позволяю себе расслабиться

и насладиться водными процедурами.

Глава 3

– Я всё, – выхожу из ванной, обмотанная полотенцем, которое нашла на полке.

Не знаю, имею ли право прикасаться к его вещам, но ходить голой не выход. К тому же я могу оставить на полу влажные следы, а мужчина предпочитает чистоту.

– Что это? – указывает на мою ступню, из-под которой тащится белый бумажный хвостик.

– Кровь немного сочится. Воспользовалась туалетной бумагой, чтобы закрыть рану. Ничего другого не нашла.

– Садись.

Блондин достаёт аптечку, которая наполнена множеством предметов. Делает повязку, наносит какую-то мазь и прикладывает к ране. Приятная прохлада не доставляет боли. Перевязывает бинтом, а сверху пластырем. Его движения уверенные, чёткие, словно он каждый день оказывает незнакомым девушкам первую медицинскую помощь.

– Надень это.

Протягивает белую мужскую рубашку и ждёт, когда отдам полотенце. Я тут же его снимаю и передаю блондину. Облечившись в его вещь – дорогую и приятно пахнущую, – возвращаюсь на место и откидываюсь в кресле. Не хочу спрашивать, объяснять, бежать, сопротивляться. Хочу тишины и немного времени, чтобы привести в порядок мысли. Если,

конечно, в моей жизни теперь вообще будет этот самый порядок. Тишину разрывают звуки моего изголодавшегося организма, но я игнорирую их. Он и так мне помог, отбив у мужиков и позволив находиться на его территории. Большего просить не имею права.

– Давно ела?

– Вчера. Или нет – позавчера, – признаюсь, Влада на питание для меня не расщедрилась. – Я перебыюсь, – даю понять, что не являюсь его проблемой.

– Ешь. – Передо мной появляется тарелка с двумя кусками пиццы и стакан сока. – Только медленно, иначе желудок будет болеть.

Лишь киваю, выражая немую благодарность. Блондин садится напротив и поглощает пищу, тщательно пережёвывая. Так и сидим: два незнакомых человека, волею случая оказавшиеся в одной квартире. Но моё имя ему известно, а как называть его? Вряд ли скажет, иначе давно представился бы. Не решаюсь спросить, уткнувшись носом в тарелку.

Замечаю свой телефон, заботливо выставленный на зарядку, включаю и звоню Тимуру. Монотонные гудки слышны и блондину. Три вызова остаются без ответа.

– Он перезвонит, – успокаиваю незнакомца. – Где мы находимся? – понимаю, что не уточнила, всё ещё не зная, в каком направлении он ехал.

Он говорит название населённого пункта, которое не даёт точных данных. Но уточняет, что от города мы отъехали на

шестьсот километров. Так много? Но Тимур приедет за мной куда угодно.

– Ты знаешь, кем был твой отец?

– Банкиром, – отвечаю заученное слово, которое на протяжении многих лет слышала часто. – Что-то связано с безопасностью банков.

Короткий смешок, дающий понимание, что я несу чушь, и даже блондин знает больше, чем я.

– Твой отец был *Банкиром*. В его случае это не имеет отношения к банкам в прямом смысле этого слова, но напрямую связывает его с деньгами. Перевод больших сумм, обналичивание денег, оплата, а главное – способность прятать эти самые деньги. Чужие. Сотни подставных фирм, счетов и такое же количество клиентов. Оплата – процент с каждого дела. И так как твой папаша был лучшим в своём деле, процент был существенный. Ни единого промаха за годы работы – исполнитель и точен. Поговаривают, он накопил бессовестно много. И достаться это всё должно тебе.

Папа мне лгал. Когда я начала задавать вопросы о его деятельности, отмахивался, отвечая нечто абстрактное, не вдаваясь в подробности. И сейчас совершенно незнакомый человек приоткрывает завесу жизни отца, посвящая меня в детали моей обеспеченной жизни.

– Нет. Адвокат Влады сказал, что я ни на что не имею права. Даже не могу претендовать на дом, который отец построил до свадьбы с Владой, потому что есть какие-то слож-

ности... — затихаю, осознав, что почти не слушала странного мужчину в очках. Он что-то говорил длинными, напичканными сложными словами, фразами, и пока я переваривала одно, он переходил к другому. И так больше часа. В какой-то момент мне показалось, что он произносит одно и то же, меняя слова местами. — А завещания отец не оставил.

— Зная твоего отца, а я был знаком с ним шесть лет, в это очень сложно поверить.

— О чём вы?

— Он был помешан на цифрах, записывая и помечая каждую в блокнот с кожаной красно-коричневой обложкой. Каждый клиент в отдельной папке, каждый электронный файл подписан, скопирован на жёсткий диск, имеет бумажный вариант и дополнительную копию. Всё это рассортировано в алфавитном порядке и уложено корешками на восток. И ты хочешь сказать, что такой дотошный человек не оставил завещания? Даю руку на отсечение, что оно есть.

И блондин прав. Кабинет отца был неприкосновенен. Идеальный порядок, вещи находились на одних и тех же местах годами, а их перемещение могло спровоцировать ярость. Ещё лет в десять я поняла, что в кабинет отца вторгаться запрещено. Иногда к нему приезжали люди, исчезали за дверью его «святыни», а спустя несколько часов уезжали. Они не оставались на ужин и не знакомились со мной, а затем игнорировали и Владу. Отточенный годами алгоритм никогда не нарушался.

– Оно точно не у мачехи, потому что она несколько раз спрашивала меня о нём, а затем тщательно обыскала кабинет отца и мою спальню. Даже напольное покрытие сняла, – усмехаюсь, вспоминая, как сразу после похорон Влада лично отдирала паркет.

– А адвокат отца?

– Он тоже не в курсе. Обмолвился, что завешание отец планировал составить пару месяцев назад, но осуществил ли планы, неизвестно. Загадка какая-то... – задумчиво вглядываюсь в ночь за окном, давно вступившую в свои права и накрывшую город облаком таинственности.

Отец любил загадки. А точнее, каракури, которыми был уставлен весь дом. Зная о его слабости, знакомые преподносили всё новые. Самые сложные занимали почётное место под стеклом в его кабинете, те, что оказались слишком лёгкими, отправлялись в шкаф гостиной. После того как он открывал их сам, вручал мне, засекая, за сколько я смогу справиться с задачей. У меня всегда уходило в два раза больше времени, чем у него.

– Нет никакой загадки. Завешание есть. И ты должна знать, где оно. Возможно, не мог говорить в открытую, он давал наводку, но ты посчитала её несущественной.

Блондин подходит ко мне, наполняя стакан соком и осматривая остатки еды на тарелке. Затем проходит в ванную комнату, подтверждает, что стирка завершена и выставляет режим сушки. Отстранённо наблюдая за ним, прокручиваю в

памяти недавние слова отца, не находя ничего подозрительного. Всё как обычно. Три звонка в неделю, полный отчёт: где была, с кем и когда. Лгала я лишь о встречах с Тимуром, который заверил, что наша связь отцом одобрена не будет. Тимур живёт в собственной квартире, посещает дорогие места и не скупится на вещи известных брендов. Учится, появляется на занятиях редко и, кажется, не расположен к специальности «переводчик». На мой взгляд, у него нет способности к языкам, но он упорно двигается дальше. Мы встречаемся семь месяцев, но за это время он не познакомил меня с семьёй, объясняя нежелание напряжёнными отношениями с отцом. Делиться не хотел, и в какой-то момент я перестала задавать вопросы. Главное, что он меня любит и обязательно заберёт...

Телефон вибрирует, а я, увидев долгожданное «Тим» на экране, принимаю вызов.

– Любимый, забери меня! – кричу, чем вызываю у блондина странную реакцию, заставляющую понизить голос.

– Ты же знаешь, я не могу прорваться на территорию дома. Он хорошо охраняется. Влада познакомила тебя с женихом?

– Я сбежала.

– Как?! – Тимур оживляется, захлёбываясь эмоциями.

– К мачехе приехал гость, а я залезла в его багажник.

– Кто он?

– Один хороший человек, который приютил меня и помог. – Мужчина после моих слов закатывает глаза и оседает

в кресло, не сводя пристального взгляда. Не хочется, чтобы он стал свидетелем нашей беседы, но отойти с телефоном, который подключён к зарядному устройству, не могу. – Ты приедешь за мной?

– Говори, где ты.

Называю место, и Тим присвистывает, удивляясь, как я могла удалиться на такое значительное расстояние.

– Ты приедешь? – Голос срывается на всхлип, потому что единственный человек, которому я небезразлична, в данный момент разговаривает со мной.

– Конечно, любимая. Обязательно тебя заберу. Сейчас, когда ты осталась одна, я тот, кто позаботится о тебе.

Замолкаю, окрылённая признанием Тимура. Мы встречались, проводили вместе время, лишь изредка заводя разговоры о совместном будущем, но сейчас внутри раненой птицей бьётся надежда, что кому-то на этой земле я нужна.

– Мы будем в центре ровно в восемь утра, – произносит блондин, указывая на телефон.

– В центре города. В восемь, – повторяю Тимуру. – Я буду тебя там ждать.

– Выезжаю прямо сейчас. Только, Майечка, дождись меня обязательно, – слёзно просит Тим. – Никуда не уходи, не уезжай, поняла?

– Да-да, конечно. Я буду ждать.

– До встречи. Люблю. – Последнее слово разносит в щепки, заставляя почти скулить от важного и неожиданного при-

знания парня.

Не успеваю ответить, звонок обрывается, а я сжимаю в ладони телефон, расплываясь в идиотской улыбке, веря, что теперь всё будет хорошо. Спустя пару минут чувствую колючий взгляд и поворачиваю голову. Блондин, развалившись в кресле и подперев кулаком подбородок, неотрывно сканирует меня. Думаю, ему в принципе незнакома искренность и открытость. По этой причине на дне ледяной прозрачности застыло непонимание.

– Вы сказали «мы», – решаюсь уточнить. – «Мы будем в центре». Значит ли это, что...

– Можешь остаться до утра. Тем более оно уже через четыре часа.

– Вы меня не выгоняете?

– Чтобы, выйдя из подъезда, ты сразу нашла приключения на свою задницу? Мне только шумихи и ментов не хватает под окнами. Завтра вечером я должен быть в другом месте, и возня с тобой в мои планы не входит.

– Спасибо, – мнусь, сцепив пальцы и опустив голову, чтобы не попасть под молот его недовольства, которым сквозит каждый звук, произнесённый им. – Тим обязательно меня заберёт.

– Лучше бы так и было, потому что компанию я не планировал.

И это означает, что в случае отказа Тимура приехать блондин без сожаления избавится от меня. Не хочется слоняться

по незнакомому месту и нажить проблем в виде нетрезвых экземпляров с вполне приземлёнными намерениями. В случае повторения защиты ждать неоткуда.

Осматриваюсь, заметив одно спальное место – кровать. Не двигаюсь, ожидая распоряжений мужчины. Раскладывает кресло, которое освободил несколько минут назад, бросает простыни и маленькую подушку, намекая, что спать буду именно здесь. Лучше, чем ничего, потому что я подумала о коврике у двери. Он добрее, чем кажется на первый взгляд, или же я, уставшая и вымотанная, откликаюсь на любую заботу. Оборудую кресло и занимаю горизонтальное положение, прикрываю глаза, исподтишка наблюдая за мужчиной.

Стягивает рубашку с плеч, аккуратно вешая на спинку стула, расстёгивает ремень, оглушая подстёгивающим резким звуком, избавляется от брюк, которые отправляются к рубашке, и остаётся в трусах. Мышцы перекачиваются под кожей от каждого движения, завораживая, и я, блуждая взглядом по его телу, успеваю оценить мужские формы. Привлекательные формы. Уверена, женским вниманием блондин не обделён. Но такие, как я, не его уровня. Мужская сила и уверенность, которые он источает, сбивает с ног. С таким и в аду не страшно: защитит, закроет, не позволит упасть. Даже сейчас, находясь в нескольких метрах от него, чувствую себя защищённой от опасного и недоброжелательного мира, стремящегося сломать.

И пока мой взгляд прикован к мужчине, он идёт к кро-

вати и, откинув подушку в сторону, укладывается на спину. И теперь, не опасаясь быть пойманной, нагло рассматриваю сильное тело.

– Ты во мне дыру сделаешь. – Резкий возглас пугает, и я переворачиваюсь на другой бок, чтобы не видеть его.

Молчу, стыдливо закусив губу.

– Влада отказалась вам платить, – начинаю несмело, опасаясь нарваться на грубость, – вы работали на отца?

– Я работаю на себя. Выполнил для него заказ. По правилам часть суммы в момент заказа, вторая после выполнения. Я приехал за второй.

– Вы были не в курсе, что он умер?

– Нет. Виделся с ним две недели назад: здоров, бодр, полон сил. Внезапная смерть в сорок восемь лет вызывает подозрение. Что было написано в заключении?

– Острый инфаркт миокарда. Мачеха позволила мне ознакомиться с документом. Никаких посторонних веществ в крови не обнаружено. Я разговаривала с ним за час до смерти...

Замолкаю, вновь переживая момент ужасного известия, перевернувшего мою жизнь пять дней назад. Похороны, множество лиц, разборки с Владой и осознание своего ничтожного положения, когда в одночасье я стала никем. Никому не было дела до моего горя, и лишь Тим поддерживал и утешал, насколько это было возможно в условиях изоляции.

– Советую углубиться в этот вопрос и более детально

разобраться в его смерти. Люди не умирают просто так. Особенно такие люди. Особенно те, кто тщательно следит за своим здоровьем.

И блондин прав. Раз в год папа проходил полное обследование, опасаясь онкологических заболеваний. Причиной смерти бабушки и дедушки стали именно они, поэтому отец был уверен в нехорошей наследственности. Если бы был хоть намёк на проблемы с сердцем, он бы не задумываясь обратился в клинику.

– Для того что выяснить детали, нужны люди. Им нужно платить, и немало. Как вы заметили, у меня даже обуви нет, не говоря обо всём остальном. И дома теперь тоже нет.

– У тебя есть наследство отца.

– Его тоже нет. А чтобы тягаться с мачехой, нужен грамотный адвокат. Не думаю, что кто-то согласится мне помочь за «спасибо». В жизни всё измеряется деньгами.

– Есть вещи, которые не имеют цены, но ты, видимо, с ними ещё не сталкивалась.

– Я...

– На сон осталось три часа. Не трать время зря.

Мужчина обрывает, заканчивая разговор. Ему не нужны проблемы. К тому же он не получил плату за свою работу. Интересно, чем он занимается и как был связан с отцом? Любый вопрос останется без ответа, потому как я мимолётный эпизод в его размеренной жизни. И тот факт, что я забралась именно в его багажник, не имеет значения. На его ме-

сте мог быть кто угодно. Качаюсь на волнах дрёмы, вспоминая несколько последних бесед с отцом, перебирая в памяти каждое слово и сообщение, понимая, что он всё же дал мне наводку, о которой говорил блондин...

Глава 4

– Подъём!

Ощутимый толчок выдёргивает из приятного сна. Теряюсь, не сразу вспоминая, где я, но мужская фигура, нависшая сверху, возвращает в реальность. Он был прав, когда сказал, что времени на отдых совсем немного, потому что сейчас приходится собрать остатки сил и сесть, чтобы не провалиться в сон.

В отличие от меня, блондин одет и гладко выбрит, а приятный аромат заполняет комнату, давая понять, что мужчина не привык экономить на себе. Идеален. Плетусь в ванную, прихрамывая, потому что место прокола неприятно ноет. Смотрю в зеркало, отмечая, насколько мой внешний вид неудовлетворителен. И спали мы вроде одинаково, вот только я вижу растрёпанную, помятую девушку: непослушные рыжие локоны торчат в разные стороны, потому что я завалялась спать, не подсушив основательно волосы, и сейчас имею непослушную копну. Под глазами тёмные мешки, а веснушки, рассыпанные по носу и щекам, кажется, стали ярче. Повернув голову, бросаю взгляд на блондина. Мы с ним словно из сказки «Красавица и чудовище», вот только чудовище не он. Не найдя расчёски, стягиваю волосы в тугую косу, закрепив резинкой. В данный момент сойдёт и так.

На машинке мои вещи – чистые и сухие. Снимаю мужскую

рубашку и облачаюсь в своё. Всё моё имущество на мне. Ну и старенький мобильник, который даёт о себе знать жёсткой вибрацией.

– Ты уже на месте? – Голос Тимура взволнованный, резкий.

– Ещё нет, но скоро буду. Ты едешь, Тим? Ты едешь за мной?

– Конечно, Майечка, каких-то полчаса, и мы окажемся вместе. Только дождись!

Он отключается, а внутри вновь загорается надежда, что всё наладится, как только я окажусь рядом с любимым мужчиной, который защитит, укроет заботой и теплом. Кроме Тимура, у меня никого нет, поэтому сейчас я без раздумий отдаю свою судьбу в его руки.

– Если готова, можем ехать. – Блондин идёт к двери и подхватывает сумку, предварительно оценив мой внешний вид. – Стой здесь. Сейчас вернусь.

Скрывается за дверью, а я, облокотившись на стену, просто жду. Может, в машине у него имеется пара женских туфель, потому что шлёпать босыми ногами по грязным ступеням подъезда не хочется. Есть шанс вляпаться во что-то неприятное или найти ещё один гвоздь. Мужчина возвращается, проверяет, везде ли выключен свет и приборы, а затем подхватывает меня на руки. Кажется, что я для него невесомая, потому что он ловко проворачивает ключ в замке, удерживая меня одной рукой, и спускается. Заботливо усаживает

на заднее сиденье.

– Ничего не трогай. Сиди спокойно.

В салоне такая же чистота, как и в багажнике, и запах тот же – медицинский. Ни одной пылинки или пятна. Наблюдаю, как блондин обходит машину, открывает дверь, но на несколько секунд замирает, а затем плюхается на сиденье, заводит мотор и резко сдвигается назад. От неожиданности меня бросает в сторону, бьюсь головой о ручку, и, потирая ушибленное место, хочу возмутиться, но меня отвлекают громкие хлопки и лязг металла. Звуки приближаются, становясь частыми, а блондин совершает резкие манёвры, отчего меня кидает из стороны в сторону.

– Что это? – ложусь на сиденье, закрыв голову руками, чтобы оставаться в одном положении.

– Что это, блядь? – гаркает так громко, что заглушает звуки снаружи. – Выстрелы! Нас обстреливают!

– Обстре...

Не успеваю закончить, как хлопки звучат почти над ухом, превращаясь в частую очередь. Слышу, как отскакивают пули, сталкиваясь с металлом, и удивляюсь, почему стёкла в машине ещё целы. Блондин давит на газ, отчего автомобиль ревет, а иногда издаёт визг. Не знаю, кто за нами гонится, потому что закрываю уши ладонями и не шевелюсь, позволяя водителю решить сложившуюся проблему. Уверена, мы попали под обстрел из-за него. Он причина и следствие. Никак иначе. В какой-то момент автомобиль резко остано-

ливается, и я решаюсь поднять голову, чтобы осмотреться. Но тут же утыкаюсь взглядом в разъярённого мужчину.

– Кого ты привела?

– Что?

– Они пришли не по мою душу, – захватывает пятернёй моё горло, сжимая так, что становится трудно дышать. – Они пришли за тобой.

– Я, – хриплю, царапая его ладонь и стараясь вырваться, – не знаю. Я звонила лишь Тимуру, своему парню. Больше никто не знал, где я. Никто.

– Не подумала о том, что телефон можно отследить?

– Он старый, – оправдываюсь, не зная, как такое вообще возможно.

– Старый не значит безопасный. Дура! Проваливай! – отпускает, и я, не успев сгруппироваться, падаю, словно тряпичная кукла.

– Куда?

– Мы в центре, а они, – указывает пальцем куда-то в сторону, – полагаю, приехали за тобой. Так что вперёд!

Медленно поворачиваю голову, заметив два больших чёрных джипа на небольшой площади. Повсюду снуют люди, но несколько мужчин, застывших у машин, смотрят только на нас. Они знают. Понимают, что в этой машине та, что им нужна. Всматриваюсь в лица, замечая знакомое – один из охранников отца, который часто прохаживался под моим балконом. А значит, их прислала Влада. Свобода была так

близко... Сейчас я рискую оказаться в том же положении, что и до побега, вот только мачеха ещё и накажет, потому что вряд ли вчера она обрадовалась, не найдя меня в комнате.

– Не отдавайте меня им, – вцепившись пальцами в белую рубашку, прошу у блондина защиты. – Пожалуйста... Не знаю, как вас зовут, но помогите мне...

– Мало того, что твой папаша остался мне должен, теперь я ещё и тебе бесплатно обязан помочь?

– Я заплачу. Тим заплатит. Обязательно, слышите?

– Очко порвётся от моих расценок, – рычит блондин, скидывая мою руку. – Мне балласт не нужен.

– Вчера вы меня спасли и приютили. Помогите сейчас, – готова его умолять, лишь бы не попасть в руки мачехи.

– Алкаши тёрлись у моей машины. Оставь я тебя, на смену им притащились бы другие. Принял решение пустить тебя в квартиру на несколько часов. Не рассчитывал, что в комплекте с тобой идут проблемы.

Разочарование. Я ведь подумала, что он пришёл мне на помощь, спасая от мужиков, посягающих на моё тело, а его волновал лишь автомобиль. Хлюпаю носом от обиды, снова и снова набираю Тима. Звонки остаются без ответа, и я понимаю, что как только покину мерседес, останусь один на один с людьми Влады. Она не пощадит, не сжалится, отдав замуж за Тафанова.

– Я обязательно найду завещание отца и заплачу. Знаю, где оно.

– Вчера убеждала, что Банкир его не оставил. Или пиздела?

– Я знаю, где оно, – произношу уверенно, – отдам вам половину того, что мне причитается.

Блондин присвистывает, поражённо меня оглядывая и удивляясь щедрости. Я плохо представляю, где может быть документ, но идея имеется. Главное, чтобы мужчина поверил и, наконец, увёз меня из этого города. Мы так и стоим на площади, испытывая терпение людей мачехи. Почему не подходят? Ждут, когда я сама выйду? И куда делись те, кто стрелял?

Мужчина постукивает пальцами по рулю, переводя взгляд с меня на проблемы, застывшие у машин. Думает? Или прикидывает, сколько может получить, если поверит мне? В любом случае, в нём одном моё спасение. Почему-то сейчас я откидываю Тимура, который затерялся по дороге ко мне. Или его убили люди Влады? А если так, то мужчина, который разминает шею и всё ещё обдумывает моё предложение, – единственный шанс.

– Уверен, я об этом пожалею... – произносит, словно беседует сам с собой. – Очень сильно пожалею.

Ещё раз смотрит на тех, кто наблюдает за нами и давит на газ. Автомобиль срывается и набирает скорость так быстро, что я не успеваю порадоваться согласию блондина. Он мастерски петляет по улицам, ныряя в переулки и проскакивая редкие светофоры. Слышатся одиночные выстрелы, которые

становятся тише, а затем и вовсе пропадают. Оторвались? Приподнимаюсь на сиденье, с опаской смотрю в заднее стекло, не наблюдая погони.

– Стёкла пуленепробиваемые, – отвечает на вопрос, который крутится на языке последние пятнадцать минут. – Но на машине остались следы. Так что теперь ты мне должна за испорченное имущество.

– Я готова всё возместить.

– Какая уверенность в собственных силах. А вчера тебя чуть не поймали два алкаша.

– Я помню, не нужно всё время напоминать, – морщусь, вспоминая гадкие пальцы одного из них у меня в трусах. – Сегодня вы другой.

Вчера он мне казался рыцарем на белом коне, который встал на защиту слабой девушки, а сегодня больше напоминает злого дракона, плюющего огнём. Разительная перемена обусловлена сложностями?

– Сегодня я настоящий, – ощетинивается, недовольно прыска и посматривая в зеркало заднего вида. – Вчера перед тобой предстала демоверсия, полная стоит дорого и доступна лишь избранным пользователям.

– А если покупаешь сразу на год, скидка предусмотрена?

Блондин поворачивается, усмехаясь тому, как я включилась в разговор.

– А ты умеешь торговаться, – криво улыбается. – Но в твоём случае только полная стоимость, а точнее, половина

капиталов Потоцких. Так, куда едем?

– В Тольятти, – отвечаю не задумываясь.

– Два дня пути и две тысячи километров, – присвистывает. – И прежде чем я ломанусь в указанном направлении, стирая ноги в кровь, хочу доказательств, что завещание Банкира находится там. С трудом верится, что твой отец настолько заморочился.

– Вы же сами сказали, что он любил загадки. Месяца за два до смерти, он неожиданно сказал: «Ты найдёшь ответы там, где всё началось». Фраза выбивалась из общего контекста разговора, поэтому запомнила. По этой причине нам надо в Тольятти.

– Поясни, – требует мужчина, сосредоточившись на дороге.

Решаю, стоит ли вываливать информацию, но в противном случае могу остаться на обочине и ждать, когда люди Влады настигнут меня.

– Папа родился в Тольятти, там же окончил военный институт и познакомился с мамой. Я там родилась, а спустя три года родители переехали. Мама умерла, когда мне было шесть. Хотела быть похороненной рядом с родителями, но папа сделал ей небольшой склеп, запланировав в нём место и для себя. А Влада его волю исполнить не пожелала...

Я убеждала мачеху, что отца нужно отвезти в Тольятти и похоронить рядом с мамой, как он и мечтал. Она отмахнулась и сделала всё по-своему. Мои доводы показались ей

несущественными.

– И?

– Я думаю, завещание в склепе.

– Ты серьёзно?

– Давайте рассуждать логически, – придвигаюсь, обхватывая руками водительское кресло. – Адвокат папы информацией о завещании не располагает, в доме его нет. А Влада даже наняла человека, который вскрыл маленький сейф. Банковская ячейка – место ненадёжное, да и любого работника можно подкупить. И если ты хочешь, чтобы завещание нашёл только тот, кому он предназначенся, запутаешь следы. Думаю, именно это папа и сделал.

– Или ты слишком умная или полная дура, – потирает гладковыбритый подбородок. – Я ещё не определился с характеристикой.

– С чего такие выводы?

– Вчера действовала как дура, а сегодня рассуждаешь, будто мозги имеются. Доля правды в твоих словах есть, вот только процент этой доли может быть невелик.

– Решайте сами.

Каждое моё слово воспринято в штыки. Не верит, да и не должен, по сути. Он знал папу, работал с ним, насколько я поняла из рассказа, но никому не доверяет, в особенности девчонке, которую вчера увидел впервые. Предложение мутное. Я и сама это понимаю, но сейчас он мой единственный шанс оторваться от преследования Влады и получить то, что

принадлежит мне по праву. Тимур никогда не сталкивался с вооружённым сопротивлением, а значит, не помощник в таких вопросах. Остаётся лишь тот, кто сейчас уверенно ведёт машину, выворачивая на федеральную трассу.

– Вы решили? – напоминаю о себе.

– Хватит «выкать». Бесит.

– Я девушка воспитанная и к взрослым обращаюсь уважительно. Тем более к пожилым людям.

– Чего? – жмёт на тормоз, и я с трудом удерживаюсь на заднем сиденье, едва не перелетев вперёд. – Мне тридцать лет.

– Тридцать? – открываю рот, не веря в услышанное. Я не спец в определении возраста по внешним параметрам, к тому же сейчас существует множество способов омолодиться, но что-то мне подсказывает о значительном занижении возраста. – А время вас не пощадило... С трудом верится, конечно, но... возможно, вы прибегли к процедурам омоложения или операции... – затихаю, расчленяемая яростным взглядом потухшей голубизны. – Или просто выглядите старше... есть же люди, которые не соответствуют своему возрасту...

– Мне тридцать шесть, – выдаёт блондин. И это больше похоже на правду.

– Вы на семнадцать лет меня старше. Почти в два раза.

– Почти не считается. Поэтому только на «ты».

– А как вас зовут? – вспоминаю, что он вчера не предста-

вился. — Если нам придётся проделать долгий путь, я должна к вам как-то обращаться. Не кричать же мне «эй ты» или «мужчина».

— Овод.

— И всё? Просто Овод. А как же имя, фамилия?

— Достаточно прозвища, — настаивает на своём. — В моём мире прозвище — своего рода личный код. Фамилия тебе ни о чём не скажет, имя тем более. Сближаться не планирую, делиться личными сведениями не намерен.

— Хорошо, Овод так Овод, — соглашаюсь, потому как большего не добьюсь.

Поднимаю телефон, который оказался на коврике, пока моё тело трепыхалось по сиденью, но мужчина выхватывает его, снимает крышку, вынимает батарею и бросает в бардачок.

— Я хотела ещё раз позвонить Тиму. Возможно, он попал под обстрел, как и мы. По этой причине не забрал меня.

— А если бы забрал, рванула бы в Тольятти?

— Скорее всего. Он единственный, кому я верю. Он не подведёт, не предаст.

— Пятьдесят пять килограмм наивности, — фыркает Овод, поглядывая на меня. — Иногда нельзя верить даже самому себе.

— Почему?

— Потому что эмоции — дерьмовые советчики. Все самые большие глупости человек совершает под их воздействием.

В такие моменты именно они управляют головой и языком, создавая проблемы, которые с трудом можно разрулить. По этой причине и существует понятие «в состоянии аффекта», которое отвечает за кратковременные реакции, развивающиеся в критической ситуации и заставляющие человека совершать несвойственные ему поступки.

– Например, убить человека?

– Чаще всего убить.

– А вы убивали кого-нибудь? – Я же не настолько наивна, чтобы не понять: оружие, спокойствие в момент обстрела и способность оторваться от погони – навыки, которые появились с опытом. И пусть лично с такими, как Овод, я не сталкивалась, лишь иногда замечая оружие у гостей отца, но хороший, тихий мальчик меня не защитит.

– Допустим, – отвечает расплывчато. – Хочешь выйти?

– Нет. Мы заключили договор, и новые сведения не являются причиной расторжения.

– Деловая хватка. – В его голосе слышится уважение. – Твой отец тоже всегда всё доводил до конца, не отказываясь от своих слов. Не думал, что домашний цветочек на такое способен.

– Цветочек?

Он не спешит отвечать, но мой испытывающий взгляд не оставляет шансов.

– Есть цветы уличные. Они подвергаются воздействию окружающей среды, и несмотря на различные, не всегда бла-

гоприятные факторы в виде солнца, дождя, ветра, выживают. Адаптируются и продолжают расти в новых, даже суровых условиях. А есть цветочки комнатные. Их место на подоконнике, а основная функция – радовать цветением. За ними ухаживают: питают влагой, создают комфортную температуру, насыщают добавками, лечат, если нужно. Такие растения имеют шанс выжить только при посторонней помощи. Отправься они на улицу, не адаптированные и совершенно беспомощные, погибнут. Бороться не станут, потому что не умеют. Ты из разряда вторых.

– Вы... ты меня не знаешь!

– Я знаю, что вчера ты была растеряна, на грани истерики. Сегодня кричала, когда по машине прилетели первые пули. – Кричала? Я не помню подобного. Или была настолько шокирована, что реакции тела жили своей жизнью, стирая из памяти неприятные и ужасающие моменты. Я кричала... – Всё это доказывает факт неприспособленности к жестокости внешнего мира. Отец совсем ничего не рассказывал о своей деятельности?

– Никогда. Влада знала, думаю, и Наташа. Меня не посвящали.

И здесь я оказалась за бортом, лишняя в собственной семье. Или папа так оберегал меня?

– Так что, Цветочек, тебя ждёт много новых открытий, – подмигивает, намекая, что эти открытия вряд ли оставят тёплые воспоминания.

– Цветочек? Обычно меня называют «пчёлка Майя», – усмехаюсь, потому что меня адски раздражает это прозвище.

– Примитивно и неинтересно.

Кто бы сомневался, что он придумает что-то своё. Возвращаясь на сиденье, поглядывая на того, с кем придётся провести в одной машине немало времени. Всё не так паршиво. И если вчера, ожидая навязанного Владой жениха, была уверена, что выхода нет, то сегодня жизнь повернулась ко мне новым местом: точно не задницей, но ещё и не лицом, судя по ситуации. Что может сделать в одиночку девятнадцатилетняя девчонка без денег и документов? Ничего. Что может сделать она же в компании серьёзного и грозного мужчины, видевшего немало в жизни? Много. Поэтому стоит быть покладистой и не раздражать блондина.

Овод. Необычное прозвище. Интересно, откуда оно взялось?

– Почему Овод? – решаю спросить. – Других вариантов не было? Или ты испытываешь слабость именно к насекомым? А точнее, мухам. Почему не... Шакал, Бес или, например, Беркут... – прикрываю глаза, силясь придумать что-то броское и запоминающееся.

– Производное от фамилии.

– Фамилии? – распахиваю глаза, вновь прилипая к его сиденью. – Оводов? – слишком просто, а вдруг... Блондин отрицательно качает головой. – Оводников? – снова молчаливое «нет». – Подводников? А может, Овод? Бывают же та-

кие. Или...

– Помолчи. Пожалуйста. Немного, – нервно цедит, переходя на рык.

– Да пожалуйста, – подгибаю ноги и обхватываю колени, зло посматривая на блондина. – Я есть хочу.

– Заправка через двадцать минут. Если за это время ты не произнесёшь ни слова, я куплю еды. Нарушишь молчание – останешься голодной. Время пошло.

Прибавляет громкость, и салон заполняется приятной музыкой, в которой гаснет моё недовольное фырканье. Видимо, придётся молчать постоянно, потому что Овод на общение не настроен, как и не собирается делиться личной информацией. А нужна ли она мне, если наши пути разойдутся через пару дней? Нет. Кладу голову на колени и пялюсь в окно, стараясь держать рот закрытым. У меня ещё будет возможность забросать Овода вопросами, а пока уж очень хочется есть...

Глава 5

Овод

Малявка затихла. Наконец-то. Сжалась, уткнулась в окно, внимательно рассматривая картинки. Особо не на что смотреть, но в её случае лучше переключить внимание, чтобы не злить меня.

Вчера я был вежливым. Насколько возможно, конечно. Неожданность в лице девки в багажнике едва не выбила из привычного ритма жизни. Вовремя сдержался. Оставил у подъезда, поднялся в квартиру и наблюдал в окно. Выглядело как подстава, но когда приползли два алкаша и включились в игру, появились сомнения, что она подосланная наживка. Затащил в квартиру, решил проверить. Выяснилось, что это рыжее нечто – дочь Банкаира. Никогда её не видел, но девка могла залезть в багажник только в момент, когда машина осталась без присмотра на территории дома.

Говорила правду. Была слишком растеряна, чтобы сочинять. Позвонила какому-то хорьку, и я радостно предвкушал, что утром эта конопатая проблема перекочет в другие руки. Внимательно осмотрел на предмет прослушки – ничего. Формы у Цветочка привлекательные, но не выдающиеся. Стеснялась, стоя голой под моим взглядом, но не сопротивлялась. Покладистая и послушная.

Так я думал вчера, а сегодня у неё рот не закрывается.

Может, по причине стресса? Затолкал её в машину и сразу заметил чёрный джип с «кирпичами». Тачка сорвалась с места. Придурки палили без разбора, и я не сразу понял, что не по машине, а возле. Только пугнуть и загнать в нужное место. Компания прибыла не по мою душу. И, видимо, мелкая сказала правду, потому что вдова Банкира хочет заполучить падчерицу, предполагаю, уверенная в её информированности на тему завещания.

Мельком смотрю на девчонку, застывшую в одной позе. Рыжие кудряшки, собранные в косу, придают озорной вид. Одинокие прядки, не желающие подчиняться и живущие своей жизнью, раздражают её. Заправляет за ухо, то и дело борясь с неподчинением. Лицо заляпано веснушками в произвольном порядке, а несколько виднеются на вздёрнутом кончике носа. Глаза выразительные – зелёные с ореховыми крапинками, и губы – чувственные, полные. Родинка на подбородке, как у Банкира. Похожа на отца, вот только откуда рыжина? Может, в мать?

Какого хера я вообще об этом думаю? Плевать на семейные хитросплетения. Я облажался и согласился помочь Цветочку. И куш нехилый – половина состояния Потоцкого, но и проблем столько, что все бабки Банкира их не перекроют.

Не люблю сюрпризы. Моё время стоит дорого, а качественная работа, выполненная идеально, является залогом репутации. Рыжая спутала все планы, и теперь придётся вносить коррективы. Может, отказаться? Не факт, что её догад-

ка верна. Не факт, что бабки вообще имеются. Не факт, что Потоцкий позаботился о дочери, потому как смерть была внезапной, а в сорок восемь лет мало кто задумывается о завещании. Но, зная дотошность Банкаира в ведении документации, доля правды в её словах имеется.

И на моё решение повлиял недавно услышанный разговор «пассажира» с неизвестным лицом. Собеседники основательно обсудили Потоцкого, примерно подсчитав размеры состояния и остановившись на цифре в триста лямов зелёных. И если даже цифры завышены и имеется хотя бы половина...

Вновь посматриваю на Цветочек, которая выполняет договорённость и молчит. Уверен, этот момент даётся трудно. Два дня пути и остановка по моему делу: где найти силы, чтобы не вырвать ей язык?

Заезжаю на заправку и занимаю место в стороне, на парковке, чтобы исполнить обещание и накормить девчонку.

– Что купить? – поворачиваюсь, даю понять, что можно открыть рот.

– А можешь подъехать туда?

Проследив, куда указывает Цветок, натыкаюсь на точку фастфуда.

– Ты будешь это есть? Уверена?

– А ты нет? Там есть подъезд для авто, а я хочу сама выехать. Пойти не могу, – указывает на босые ноги, а я и забыл, что у ней даже обуви нет.

Выполняю пожелание и подъезжаю. Девушка в фирменной кепке высовывается в окошко почти наполовину, чтобы заглянуть в машину. Мерседес низкий и тонированный.

– Так, нам...

– Три чикен-ролла, два бургера, две больших картошки, большое ведро ножек и острый соус. Четыре штуки. Капучино и три бутылки сладкой воды. И мороженое. – Девчонка выдаёт, как из пулемёта, пока я таращусь на задницу, которая покачивается перед моим лицом. Она почти на колени мне залезла, перегнувшись через подлокотник. – Ты что-нибудь будешь?

– То есть ты всё это себе заказала?

– Да. Дорога долгая, а я захочу есть. Где гарантия, что ты будешь кормить меня по первому требованию?

Ну ни хрена себе! Я ещё и требования должен исполнять по щелчку?

– Сядь на место, – отвечаю шлепок по упругой заднице, в ответ услышав тихое «ой», и она вновь оказывается на заднем сиденье. – Всё перечисленное и две бутылки негазированной воды. – Оплачиваю и поднимаю стекло, ожидая заказ. – Никуда не выходи, – покидаю машину, чтобы зайти в мини-маркет на заправке, когда слышу вдогонку:

– Интересно, куда я пойду босиком...

Девчонка, сама того не ведая, подкинула идею: без обуви далеко не дотопаешь, а значит, её отсутствие позволит мне контролировать перемещения. Бреду по рядам, нахожу, что

планировал. Простые женские сланцы. Вспоминаю её ступни, прикинув размер. Бонусом покупаю три пары белых носочков. По какой-то причине именно они меня вчера и привлекли. Закидываю в багажник обувь, а когда сажусь в машину, сразу получаю заказ. Отъезжаю в сторону, чтобы отдать пакет. Проводит инспекцию, всё ли заказанное здесь, и достаёт одну упаковку, чтобы открыть и с жадностью наброситься.

– Положи на колени, – бросаю небольшое полотенце, которое всегда лежит в кармане двери.

– Зачем? – застывает, перестав жевать.

– Чтобы этим дерьмом не загадить мою машину. Мало того что обивка пропитается этим поганым запахом, так ещё соуса мне на сиденьях не хватает.

– Тебе не нравится такая еда?

– Это не еда. Предпочитаю нормальную пищу. От этого у меня организм встаёт на дыбы.

– Не самый плохой вариант за неимением другого. Я бы не отказалась от пасты или салата, но даже из машины выйти не могу. Ты же меня в ресторан на руках не понесёшь? Так что выбора у меня нет, – разводит руками, перевернув упаковку, и я наблюдаю, как смачная капля плюхается на сиденье.

– Блядь! – рявкаю, отчего она дёргается, продолжая загрязнять мою машину. – Не маши крыльями! – фиксирую её руку и вскипаю. На сиденье дорожка из светло-молочных клякс. Заметив их, девчонка трёт полотенцем ткань, чем

приводит меня в бешенство. – Не три, твою мать! Предупреждал же! Ни одна химчистка потом не возьмёт. Не знаю, из чего это говно мешают, но оно намертво впитывается. Дай сюда, – выхватываю свёрток, съеденный лишь наполовину, и выбрасываю в окно. – Эта машина стоит дороже, чем твоя жизнь. Ты неспособна есть аккуратно? Хуже пассажира у меня ещё не было! – не замечаю, как перехожу на крик. – Какого хера ты свалилась на мою голову? Нужно было вчера оставить тебя алкашам. Нахуя полез? Только проблем себе добавил...

Воспользовавшись очищающим средством, избавляюсь от омерзительных пятен, а когда поднимаю голову, сталкиваюсь с потухшей зеленью. И в ней такая обида, что у меня внутренка трещит от стыда. По её щекам скатываются прозрачные капли. Не всхлипывает, замерев с растопыренными пальцами, в которых несколько минут назад был съедобный свёрток. Бросаю губку и выскакиваю из машины, рыча и матерясь. Свалилась на мою голову. А точнее, в багажник. Присаживаюсь на капот, глубоко дышу и размышляю, как избавиться от девки. И деньги Потоцкого на хер не нужны с этой ходячей катастрофой. Слышу, как щёлкает дверца, а затем охеревающим взглядом провожаю тонкую фигуру, которая несётся к выезду на трассу.

– Серьёзно?! – спрашиваю сам себя, не ожидая подобного.

Босая и взъерошенная, девчонка так быстро перебирает ножками, что я так и стою, залипнув на этой картинке.

И что мне сделать? Бежать следом? Нет. Пусть валит. Может, кто-то подберёт и трахнет в лесочке, чтобы знала, какие подарки преподносит взрослая жизнь, к которой Цветочка папаша не подготовил. Отворачиваюсь, разглядывая подъезжающие тачки. Похер. С места не сдвинусь. Вижу, как пассажиры одной из машины тычут пальцами в том направлении, куда рванула рыжая, и невольно смотрю туда же.

Плетётся по обочине, прихрамывая и подпрыгивая. Видимо, не так приятно топтать босиком. Возле неё останавливается желающий помочь, Цветочек, нагнувшись, что-то говорит, и машина срывается с места. Идёт, сопровождаемая клаксонами пролетающих тачек, пока рядом не останавливается внедорожник. Отшатывается и спешит дальше, пока автомобиль медленно едет рядом.

– Блядь! – ругаю сам себя, запрыгиваю и жму на газ.

Пристраиваюсь за внушительной тачкой, наблюдая, как Цветочек сжимается и опускает глаза. Ещё немного, и девчонку просто затолкают в машину. Хромота усиливается, она останавливается, опершись на отбойник, и в этот момент подъезжаю. Видит меня, но не спешит вернуться, а когда дверь внедорожника открывается, срывается и заскакивает на заднее сиденье. Мужик понимает, что его опередили и, ухмыльнувшись, возвращается в тачку, которая тут же удаляется. Съезжаю на обочину, включаю аварийку и обхожу машину.

Уверен, у этой бешеной грязные ноги. Я спокойно ехать

не смогу, пока она не будет чистой. Открываю дверь с её стороны. Дёргается, но я успеваю схватить за лодыжку и притянуть к себе. Молча достаю влажные салфетки и очищаю ступни, а заодно и рану, в которую забились грязь. Сопит, глотая слёзы и всхлипывая, но не вырывается, позволяя закончить задуманное, закрыть рану пластырем и надеть носочки, приобретённые на заправке. Возвращаюсь на водительское место, но не трогаюсь.

– Вопрос: зачем ты это сделала?

– Ты меня обидел, – стирает ладонями слёзы, не глядя в глаза. – Я сиденье испачкала не специально.

– А сидеть спокойно не пробовала?

– Ты начал кричать, чем напугал меня.

– То есть когда у тебя возникла идея забраться ко мне в багажник, ты не испугалась, а когда голос повысил, колени затряслись?

– Именно так.

– Ладно, – выдыхаю, чтобы снова не сорваться на крик, – а что ты планировала дальше? – непонимающе смотрит. – Рванула из машины в сторону трассы, босиком, без документов, денег и телефона. И?

– Рассчитывала, что ты меня догонишь.

– Даже не сомневалась?

– Ну ты же догнал. Если бы не мужик на джипе, я бы дождалась извинений и только потом согласилась продолжить путь рядом с тобой.

Ну ни хрена себе самоуверенность! На секунду сомневаюсь, что понял правильно, но серьёзное лицо Цветочка не оставляет шансов. За пять минут выбесила, сбежала, заставила почувствовать себя виноватым и снова выбесила. Делаю несколько глубоких вдохов, прикрыв глаза, чтобы не придушить рыжее нечто.

– Итак, Цветочек...

– Меня зовут Майя.

– Итак, *Цветочек*, прежде чем мы продолжим путь, поясню несколько правил. Первое: моя машина – моё рабочее место, где я провожу много времени. Поэтому в ней должно быть чисто и вкусно пахнуть, – кривлюсь, улавливая гадкий запах, который доносится из бумажного пакета. – Второе: ты беспрекословно подчиняешься моим указаниям. Не споришь, не пререкаешься, не высказываешь своё мнение и молчишь. В противном случае высажу на трассе и, будь уверена, не вернусь. И третье: я называю тебя, как хочу. А ты откликаешься. Всё понятно?

– Я думала, что за половину состояния отца заслужила немножечко уважения и право голоса.

– Пока «состояние отца» – это неопределённая цифра, ты играешь по моим правилам. Кто знает, может, Потоцкий не оставил тебе ни рубля.

– А если так и есть?

– Если так, то твой мужик заплатит по тарифу за твою доставку до Тольятти. Эта сумма будет увеличиваться по мере

нарушения правил, которые я перечислил. Мой начальный тариф пятьдесят тысяч долларов. Я накину ещё пятьдесят, если мне что-то не понравится, и так до тех пор, пока не научишься вести себя.

– Так не пойдёт, – фыркает, обиженно надув губы. – Ты можешь придумать новое правило, а потом заявить, что я его нарушила.

– Этого не произойдёт, если ты не нарушишь основных. В противном случае я могу предложить покинуть мою машину прямо сейчас и дожидаться следующего кандидата, который на тебя клюнет. Трасса оживлённая, долго в одиночестве не прстоишь. Решай. Минута на раздумье.

Отвернувшись, засматриваюсь на пролетающие мимо тачки. Прикидываю, что одна из них могла бы подобрать девчонку, чтобы унести подальше от меня и избавить от проблем. А проблемы будут. Уверен, что Цветочек-катастрофа нарушит правила неоднократно, доведя меня до иступления. Вышвырнуть бы её из машины, но состояние Банкира – лакомый кусочек, о котором скоро станет известно всем.

Не знаю, кто там хотел взять её замуж, но уверен, желание это появилось лишь по причине наследства. Адвокат откровенно пиздел, когда говорил, что всё получит вдова. Видимо, мачеха подстраховалась, поделив с будущим мужем падчерицы состояние. Насколько я понял, отношение Цветочка к жене отца негативное, а значит, делиться она не будет при любых раскладах.

– Я согласна, – наконец подаёт голос.

– Согласна на что?

– Соблюдать правила и продолжить путь с тобой. Но у меня есть условие. Два условия!

– Выкладывай. – И если я решил, что будет просто, то ни хрена не будет.

– Первое: ты разрешишь мне поесть. – Киваю, понимая, что сытой она доставит меньше проблем. – Второе: отдашь телефон.

– Первое исполняю, – протягиваю пакет и ведро, наполненное вонючей курицей. Цветочек раскладывает на коленях полотенце и салфетки, наученная горьким опытом. – О втором даже не мечтай. Тебя нашли один раз, найдут снова.

– Мне нужно позвонить Тимуру. Мы приедем в Тольятти, найдём завещание, и я отдам половину, а как вернусь? Вряд ли ты согласишься отвезти меня.

– А нахера? Для того чтобы вступить в наследство, достаточно связаться с нотариусом. А это можно сделать из любого места. А если твоим наследством окажется банковский счёт с кодами доступа, то и связываться ни с кем не нужно. Уедешь, куда захочешь. Одна или в компании своего мужика.

– Я хочу дом, – заявляет, откусывая курицу и придерживая ведро, чтобы все крошки остались в нём.

– Ты будешь в нём жить?

– Допустим, а что? Я там выросла, для меня это знаковое

и важное место. К тому же напоминающее о папе.

– Жить воспоминаниями не так приятно, как ты думаешь.

И я-то знаю, о чём говорю. Свои воспоминания я храню в мыслях, а родные стены давно отдают холодом.

– Я сама решу. Твоя задача – доставить меня в Тольятти. И не давать советы, которых я не просила.

Девчонка мастерски подминает меня, находясь в заведомо проигрышном положении. Я, в отличие от неё, могу разорвать нашу договорённость прямо сейчас и ничего не потерять. Или она этого не понимает, или же понимает, но идёт ва-банк. Осознаёт Цветок, что без меня не выберется.

Но у меня остался вопрос, кто её слил утром – мачеха пробила телефон или её мужик тоже замешан? Где гарантия, что он не включился в гонку наравне со вдовой? Есть только один способ проверить, и для этого я исполню желание девчонки.

Глава 6

Майя

Даже не знаю, почему Овод изменил решение, но позволил включить телефон и позвонить Тимуру. Несколько звонков без ответа ввели в ступор, а затем заставили волноваться. А если Тим попал под обстрел и не выбрался? Возможно, сейчас мой любимый человек мёртв, а я осталась одна. Он единственный, кто поддержал меня после смерти папы. Он тот, кому я доверяю как себе.

Всё же надеюсь, что Тим не ответил, потому что занят или не может сейчас говорить. Этот номер знает лишь он, а домыслы Овода кажутся беспочвенными: телефон слишком старый, чтобы отследить.

Насытившись, откладывая еду, оставив на вечер. Овод кривится от неприятного запаха нездоровой пищи и лишь иногда пьёт воду. Неужели не голоден? В любом случае придётся соблюдать его правила, иначе я имею все шансы остаться на трассе. Не знаю, чем думала, когда рванула прочь от него. Осознание пришло в тот момент, когда рядом остановилась большая машина, а мужик предлагал составить ему компанию и обещал развлечение. Я сразу смекнула как, и подъехавший Овод оказался кстати. Лишь потом поняла, что он мог на меня наплевать и уехать. Почему догнал? Желание половины наследства отца заставило? Или дело во мне?

Точно нет.

У меня было время присмотреться к блондину – привлекательный. Ещё на заправке заметила, как девушка, принимающая заказ, откровенно с ним флиртowała. На следующей остановке статная блондинка, которая вышла из дорогой машины, подошла к Оводу и вручила свой номер, приглашая приятно провести время. Меня изъедала злость и зависть, что я, с россыпью смешных веснушек и рыжей гривой, никогда не смогу составить ей конкуренцию. Я блёклая, конопатая девочка, на которую редко обращали внимания мальчишки, выбирая ярких девчонок сначала в лицее, а затем и в универе. И лишь Тим подарил уверенность, снова и снова напоминая, что я особенная и красивая. Так просто завоевать женщину, если дать ей то, чего не хватает.

– Можно спросить? – помолчав достаточное количество времени, решаю обратиться к блондину.

– Ненадолго тебя хватило, – смотрит в зеркало заднего вида. – А точнее, на два часа тридцать четыре минуты.

– Так можно?

– Один вопрос.

– Чем ты занимаешься?

– Прямо сейчас везу одну несносную задницу в сторону Тольятти.

– А вообще?

– Перевозками, – размытый ответ. Блондин не желает открываться, да и разговаривать тоже.

– А точнее?

– Я Перевозчик, а машина – моё рабочее место.

– Кого или что перевозишь? – придвигаюсь, прижавшись к его сиденью.

– Перевозчики делятся на три категории. Первые занимаются доставкой непростых людей из пункта А в пункт Б. Заказчиками являются как частные лица, так и представители госорганов. Вторые перевозят предметы по территории страны. А третьи переправляют через границу всё – от людей до запрещёнки. Я из первых.

– То есть только люди?

– Именно так.

– Почему?

– С людьми проще. В большинстве своём, да и компания мне нравится.

– Я бы не сказала, – закатываю глаза и вспоминаю, как мне было приказано не открывать рот. – Моя компания тебя не устраивает.

– Предпочитаю работать с мужчинами.

– И вот чем тебе женщины не угодили?

– Тем, что плюсом к вам идёт множество проблем: хочу есть, пить, по маленькому, по большому, голова болит, неожиданно ПМС начался, телефон разрядился, забыла что-то важное, спина затекла, хочу подышать воздухом, поговори со мной, музыка не такая, пахнет не так, я веду себя не так, дышу не так. И список можно продолжать до бесконеч-

ности. А если ещё баба с собачкой, то у собачки аналогичные проблемы, только она ещё усердно гадит в моей машине. Поэтому последние пару лет берусь за заказ при условии, что поедет мужчина.

– Странно, – обдумываю его слова. – Зачем им твои услуги? Есть же самолёты и поезда. Это быстрее, чем тащиться в машине день-два, например.

– Бывают ситуации, когда воспользоваться общественным транспортом означает подвернуть себя опасности. Причины разные, и меня они не волнуют. Есть заказ, оплата и доставка.

– Кого просил перевезти мой отец? – задаю главный вопрос. – Ты ведь приехал к нему за деньгами? Значит, тебя нанял он.

– Юриста. С документами, которые должны были быть переданными из рук в руки. Не любил Потоцкий электронку, считая, что всё можно перехватить и отследить, поэтому доверял бумаге. Юрист остался в Москве, я вернулся за второй частью оплаты.

– Ты не знал, что папа умер?

– Не знал. Обратно не спешил, поэтому взял ещё один заказ. Банкир всегда платил по счетам, я не волновался.

– Что тебе сказала Влада?

– Сначала, что ничего о делах мужа не знает. Потом начала скулить, что денег нет и Потоцкий оставил только огромные долги. Хер я поверю. Твой отец мотом никогда не был,

азартными играми не увлекался, наркотой и алкоголем тем более, на девок бабки не спускал.

Овод в отношении отца прав. К деньгам тот относился серьёзно. Для меня ничего не жалел, но я всегда понимала, что есть грань дозволенного.

– Он Владе не изменял.

– Он нет, а она точно по членам прыгала.

– С чего ты взял? – хочу возмутиться. Я к мачехе тёплых чувств не испытываю, но обвинения, не подкреплённые доказательствами, считаю нечестными.

– Мне в трусы она залезть попыталась.

– Чего?! – перегибаюсь через подлокотник между сиденьями, чтобы убедиться – Овод не лжёт.

– Сразу после скулежа предложила отработать долг мужа по-другому и плюхнулась на колени, чтобы отсосать. В такой позе нас и застала её дочь. Утащила мать, сославшись на важного гостя, который заждался.

– Тот самый мужик, которому она меня отдать хотела. – Тот факт, что мачеха спешила уделить внимание блондину, позволил мне сбежать. – Так... – заливаюсь краской от слов, которые собираюсь произнести. – Она тебе... долг отдала?

– Я оплату натурой не беру. Хотя... – задумчиво поглядывает на меня. – Если папаша тебе ничего не оставил, ты рассчитаешься за перевозку старым как мир способом.

– Я с тобой спать не буду, – отодвигаюсь, отметив недобрый блеск в пугающей голубизне. – У меня есть мужчина,

которого я люблю.

– Тот хорёк, что так за тобой и не приехал? Видимо, сильно «спешил», – покачивает головой, надменно цокая.

Овод Тима не знает, но уже сделал выводы.

– Ему... что-то помешало, уверена.

– Может, страх? Увидел дяденек с пистолетами и свалил, чтобы не стать мишенью.

– Каждый нормальный человек, увидев вооружённых людей, испугается. Чувство самосохранения никто не отменял. Оценил свои силы и понял, что не сможет сопротивляться. И, скорее всего, поступил верно, потому что мёртвый он мне не поможет. Мне кажется, это правильно.

– Правильно, Цветочек, землю жрать, но забрать своё. Я бы от одной мысли, что к моей женщине прикоснётся кто-то левый, с катушек слетел. Он ведь не знает, с кем ты, а багажник мог оказаться чьим-то другим, и твоя короткая жизнь могла оборваться ещё вчера. Так что либо ему своя шкура дороже, либо у него стальные яйца и такая же выдержка, чтобы есть, пить и дышать, зная, что ты хер знает где.

– А ты, значит, – снова подползаю, – ради своей женщины рискнёшь всем?

Не верится, что Овод сделает всё, что озвучил, но, возможно, ради той, кто станет главной в его жизни, пойдёт на всё.

– Не задумываясь.

– Не повезёт кому-то, – хмыкаю, улыбаясь и подстёгивая

блондина. – Это ж какой неудачницей нужно быть, чтобы влюбиться в такого, как ты.

– Обороты сбавь, Цветочек, иначе этой неудачницей станешь ты.

– В моём сердце есть место только для Тимура. Ты туда не влезешь. – Произношу громко, но затем шёпотом добавляю: – Connard sûr de lui, arrogant, grossier, matérialiste, égoïste...¹

– За козла ответишь.

Медленно поворачиваюсь к Оводу, вбирая воздух, как рыбка. Удивление настолько явное, что он издаёт нечто, похожее на искренний смех.

– Уточняю: знаю французский и итальянский. Любое оскорбление на этих языках светит тебе наказанием.

– Не думала, что ты... образован.

– Ты меня не знаешь. Ты *ничего* обо мне не знаешь. Сделала вывод исключительно по моментам, которые я позволил тебе увидеть. Ты меня недооценила, Цветочек. При любом другом раскладе тебе это могло стоить жизни. Никогда не верь человеку, пока не пройдёшь с ним через ад, осмотрев с разных ракурсов.

– Ты совсем не веришь людям?

– Совсем. И у меня на это две причины: я их не знаю; я их знаю.

– Демагогия какая-то получается... Как жить, если нико-

¹ Самоуверенный, наглый, грубый, меркантильный, эгоистичный козёл... (фр.)

му не верить?

– Спокойно. Веришь только в себя, полагаешься только на себя и помочь можешь только сам себе. Иначе придётся снова и снова разочаровываться в людях, пока не усвоишь жизненные уроки. И дай бог, чтобы к этому моменту ты остался жив.

Не знаю о нём ничего, кроме прозвища, но слова Овода заставляют посмотреть на него иначе. В его жизни случилось нечто, что заставило потерять веру в людей. Во всех или конкретных? Судя по всему, во всех. Я иная, я верю. Ситуация с Владой не в счёт, потому как к ней я доверием не прониклась сразу. Меня не удивило решение избавиться от меня, лишив всего, что создал отец. Ударом стало решение выдать замуж против воли. Что ждало меня, не сбеги я вчера из отцовского дома? Как ко мне отнёсся бы Тафанов? Кем бы я для него стала? Ответы мне неинтересны, да и вряд ли я смогу предугадать варианты, не развращённая миром, о котором, как я понимаю, моя мачеха знает куда больше меня.

– Я верю Тиму. А сейчас верю тебе.

– Глупо. Последнее.

– А у меня есть варианты? Как видишь, нет. Либо я тебе верю, принимаю помощь и условия её оказания, либо покидаю машину и остаюсь одна. В каком случае я имею шанс выбраться и получить возможность начать новую жизнь? Во втором. Так что до момента, пока мы не окажемся в Тольятти, мне придётся тебе верить. Ты можешь назвать это глупо-

стью, я же назову рациональным решением в условиях конкретной ситуации.

– А если я не оправдаю твоё доверие?

– Для меня это станет жестоким уроком, из которого я сделаю выводы. Если останусь жива.

– Быстро учишься, Цветочек.

– Мне почему-то кажется, что за время нашего путешествия ты преподашь мне не один урок.

– Посмотрим на твоё поведение.

Начинает темнеть, а встречные машины слепят ярким светом фар. Вижу знак, что через два километра заправка.

– Сделай остановку на заправке. Мне нужно в туалет.

Вспоминаю слова Овода, что пассажиры-женщины со множеством запросов, но терпеть не могу. Цокает, но всё-таки выполняет просьбу. Я всё же за его услуги плачу немалые деньги, которых у меня пока нет. Но мгновенно вспоминаю, что я по-прежнему босая. Овод покидает машину, а через минуту открывает мою дверь.

– Надевай и топай. – Передо мной плюхаются сланцы.

– У тебя была обувь? И ты молчал? – возмущаюсь, стягивая носки, и радуюсь, что могу пройтись. – У тебя в багажнике всегда лежит пара нужного размера?

– Купил на заправке. Там, где ты возомнила себя марафонцем. Ещё вопросы?

– Денег дашь? Хочу воды и леденцов, а ещё зефир.

– Хватит жрать сладкое. После него хочется пить, а соот-

ветственно, в туалет. Останавливаться каждые десять километров я не буду. Либо терпи, либо...

– Под себя?

– Рискни, – прищуривается, – и в считанные секунды в машине я останусь один.

Встаю в полный рост, чувствуя себя мелкой по сравнению с Оводом. Атлетическим телосложением не отличается, но есть в нём что-то пугающее и давящее. С таким не стоит спорить, да и злить не желательно.

– Ты со мной? – делаю два шага, но замечаю, что блондин опёрся на машину, приготовившись к ожиданию.

– Сама. У тебя пять минут. Решишь пробежаться – договорить не стану.

Киваю и иду в нужное место, понимая, что Овод шутить не намерен. Теперь нет. Вариант остаться одной без документов и денег чёрт знает где не привлекает. Посещаю туалет, покупаю крекеры, несладкие палочки, леденцы и воду, посматривая на часы и стараясь уложиться в отведённое время.

– Четыре минуты пятьдесят три секунды, – демонстративно смотрит на телефон. – Уложились.

– А если бы нет? Оставил бы меня здесь? – запрыгиваю на заднее сиденье, удивляясь галантности Овода, предусмотрительно открывшего дверь, но затем понимаю, что сделано это для того, чтобы исключить сильный хлопок.

– Можешь проверить на следующей остановке.

Проверять не намерена, потому что он избавится от меня не раздумывая. Сожалеть не будет, переживать тем более. В его жизни я короткий эпизод.

Выруливаем на трассу, но блондин молчит, лишь крутит головой, поглядывая в боковые зеркала. Напряжён и сосредоточен, чем пугает. Причина его недовольства не я, но что-то заставляет его нервничать. Хочу понять что, но спросить не решаюсь. Нас обгоняет патрульная машина с проблесковыми маячками, подрезает, требуя съехать на пустой паркинг. Овод снижает скорость, следуя за машиной, но останавливается в нескольких метрах и ныряет рукой под своё сиденье.

– Если он потребует, чтобы ты вышла, подчиняешься и идёшь за ним.

– З-зачем?

– Рот закрой и выполняй. Если не хочешь снова увидеть мачеху.

Мужчина в форме медленно идёт в нашу сторону, наклоняясь, чтобы посмотреть на номер, а затем обходит машину и останавливается около водительской двери, показывая Оводу жестом опустить стекло.

– Причина остановки? – Блондин задаёт вопрос первым.

– Номера не местные. Из Москвы?

– Да. С каких пор у нас запрещено свободное передвижение между регионами?

– Не запрещено. – Мужчина наклоняется, заглядывая в

салон и направляя на меня свет фонарика. – Предъявите документы.

Овод подчиняется и, пока сотрудник рассматривает содержимое, наблюдает за мной в зеркало заднего вида. Интересно, в документах указано его настоящее имя? Взглянуть бы, чтобы знать, кто он такой...

– Пусть девушка даст паспорт.

Не ожидая подобного запроса, паникую, ёрзая на сиденье. Не подумала о том, что проверить могут и меня.

– Нет у неё документов, – отзывается Овод, пока я обдумываю варианты, – бродяжка. Шла по трассе, подобрал, попросила подкинуть до ближайшего города.

– Проститутка, что ли? – Вновь светит фонариком, заставляя жмуриться и отворачиваться.

– Не проверял и не планирую. – Голос блондина спокойный, но настораживающий, словно он к чему-то готовится.

– Пусть выйдет.

Меня пронизывает дрожью. Не хочу покидать уютный салон дорогого автомобиля, даже согласна переместиться в багажник, чтобы убавить проблем.

– Командир, может, решим вопрос по-другому? – Овод скидывает руку, где между пальцами зажаты сложенные купюры. – Если мало, могу докинуть.

– Многовато за незнакомую шлюху, – присвистывает сотрудник, слащаво улыбаясь и поглядывая на меня. – Видимо, сумма оправдывает способности. – Выхватывает деньги,

но продолжает: – Я не прочь попробовать. Пусть выходит.

Вариант со взяткой не прокатил, как планировал Овод. Или он планировал не это? Едва уловимый кивок подтверждает – нужно подчиниться. Выхожу из машины и направляюсь к мужчине в форме, показывающему проследовать за ним. Делаю пару шагов, когда за спиной раздаётся громкое, но спокойное:

– Майя, в сторону.

Глава 7

Овод

Выстрел в мужика, и Майя валится на землю. Патрулька пуста, а значит, работает в одного, или второй на подхвате где-то в другом месте. Несколько выстрелов по колёсам, а затем подхватываю застывшую девчонку и волоку в машину.

– Ты его убил... Ты убил! – всхлипывает, а затем вырывается, намереваясь подбежать к мужику. – Ему надо помочь! Вызови скорую, или давай остановим машину. – Рвётся к трассе, где машины проносятся на бешеной скорости, не желая обращать внимания на две тачки, стоящие на паркинге. – Эй, помогите!

Размахивает руками и орёт что есть силы, но её крик теряется в шуме потока. Никому нет дела. Приходится схватить за ворот и волоком тащить к машине. Вырывается, упирается ногами, бьётся в истерике. Шок. Неужели не видела, как стреляют в людей?

– Пусти, ему помочь надо...

– Дура! Если бы не я, сейчас бы он вёз туда, куда приказано. Быстро в машину! – рывкаю, и она затихает, но спустя несколько секунд пускается в рёв.

Затолкав Цветочек на переднее сиденье, меняю номера, потому что как только его найдут, мою тачку объявят в розыск. Или не объявят. Не знаю, сколько прикормленных,

кроме него, работают по заказу. В таких случаях просто передают информацию следующим – тихо, без шума.

Девчонка не успокаивается, верещит в голос, захлёбываясь слезами. И нахуя повёлся? Денег мало? Всех не заработаешь. Нервы дороже. И сейчас я физически ощущаю, как отмирают мои нервные клетки – медленно, по одной под взмахом пушистых рыжих ресниц.

– Успокойся.

– Ты его убил... – воет. – Ты убил... Он помочь хотел, переживал за меня...

– Да ладно, – охреневаю от её наивности, – ты правда так думаешь?

– Д-да... Давай вернёмся, поможем, не оставляй его...

Сворачиваю с трассы, заметив деревья и земляной съезд, глушу мотор, погрузив нас в темноту.

– Успокойся. – Мне бы самому не помешало, потому что я на грани. Не привык слюни подтирать. – Я его только ранил.

– Неправда! – бьёт кулаками в мою грудь. – Ты врёшь! Врёшь! Надо туда... – хватается за ручку, но я успеваю дёрнуть Цветочек на себя, достать ствол и щёлкнуть затвором.

– Повторяю в последний раз – успокойся. – Сразу понимает, что сейчас на неё направлено оружие, не шевелится, затихла. – Я только ранил. Не люблю убийства, по возможности избегаю. Не знаю, кому пообещала тебя мачеха, но мент пришёл за тобой. Прикормленный.

– Что значит «прикормленный»? – шепчет в темноте.

– Значит, работает на кого-то. Передаёт информацию, если нужно, доставит в назначенное место. Ему заказали девушку, то есть тебя, поэтому один. Не думал, что возникнут проблемы.

– А как ты понял, что он работает на кого-то?

– Патрульный с «Береттой»? Стандартное табельное – пистолет Макарова. Это второй ствол.

– А зачем ему второй?

– За каждый патрон из табельного отчитаться нужно, а второй нужен, чтобы валить маленьких глупых девочек. Таких, как ты.

Даже не понял, когда Майя прижалась ко мне, захватив ткань рубашки и всхлипывая в мою шею. Почти неслышно, но дрожащее тело доказывает, что истерика не закончилась. Убираю оружие, даю ей ещё немного времени, пока дыхание не становится ровным.

– Твой отец работал с серьёзными людьми, и большинство из них очень далеки от понятия «честная жизнь». Ты правда никогда не видела, как убивают людей?

– Никогда. Отец научил стрелять из ружья, даже брал на охоту пару раз. Но мне не понравилось убивать животных. Да и сам он, по сути, охотником не был. Больше любил поговорить, сидя за столом и потягивая ром. Но на охоту уезжал часто.

– Не на охоту. Поговорить в непринуждённой обстановке, дела решить. Излюбленный вариант Потоцкого.

– Мне кажется, ты знал его лучше, чем я, – произносит, а я чувствую, как горячие губы касаются кожи на шее, запуская необъяснимую реакцию.

– Не лучше. С другой стороны. Думаю, он просто хотел уберечь тебя от того мира, в котором жил сам.

– Зачем? Мне было бы проще сейчас, знай я хоть сотую часть того, что знал он. Когда папа умер, я почувствовала себя потерянной, ненужной и лишней. Не осталось ни одного человека, которому я нужна.

– Ты хорьку своему нужна.

– Его зовут Тимур.

Бесит, что Цветочек постоянно упоминает какого-то мужика. В данный момент я спасаю её задницу от козлов, желающих прибрать девчонку к рукам.

– Похуй мне, как его зовут. Кстати, больше звонить ему не будешь.

Отодвинув девчонку, шарю в бардачке и, достав части телефона, выбрасываю в окно.

– Ты... Зачем, блин? – вскрикивает и лезет через меня, высунув голову наружу и пытаясь разглядеть в темноте убогий мобильник.

– Ты позвонила – нас отследили. Нас отследили – раненый мент. Чувствуешь связь?

– Ты сам мне дал позвонить.

– Хотел проверить. Догадка подтвердилась. Либо тебя ведёт мачеха, либо этот самый Тимур.

– Нет, – мотает головой, – не может он. С этого номера я звонила только ему. Влада не знала. В нём старая сим-карта была. Даже какие-то сообщения сохранились. Я удивилась, почему не заблокирован. Обычно через год номер перепродают.

– А деньги там были?

– Да. Немного. Рублей сто, может, чуть больше.

– Значит, им кто-то пользовался.

– Он в моей комнате лежал, в маминой шкатулке. Выключенный и разряженный. Да и кому он нужен? Старый, потёртый. Можно я заберу?

– Нахрена? – не понимаю, зачем ей нужно это старьё.

– Может, это единственное воспоминание о папе. Телефон, подаренный им.

– Ладно. Валяй.

Цветок тут же вскакивает из машины и собирает части телефона, шаря ладонями по земле. Не знаю, зачем разрешил, но она переключилась, забыв о том, что произошло двадцать минут назад. Мостится на переднее сиденье, когда останавливаю.

– На заднее, – указываю, чтобы пересела. – Терпеть не могу, когда кто-то сидит рядом, отвлекая от дороги.

– Ну и ладно, – надув губы, плюхается назад. – Я думала, мне положена компенсация за пережитый стресс. По твоей вине, кстати.

– По твоей, – уточняю, выезжая из укрытия. – Не выбери

ты мой багажник, сейчас бы я не тратил время на бессмысленные сожаления. И кстати, моя рубашка была бы сухой, – ошупываю ткань, наткнувшись на влажное пятно. – И нервы целее.

– Зато со мной не скучно, – заявляет, считая, что я получаю удовольствие от непрекращающейся болтовни. – Я могу тебя веселить: рассказывать истории, анекдоты, смешные случаи...

Замолкает, и я слышу неприятное шипение. Мельком обернувшись, закипаю в момент, потому что девочка-катастрофа сжимает в руке бутылку, из которой фонтаном бьёт сладкая жидкость. Испуганная и мокрая, смотрит на меня. Выдыхаю, сжимая руль и едва сдерживаясь, чтобы не придурить её прямо сейчас.

– Плюс пятьдесят. – Ловлю непонимающий взгляд. – Я предупреждал: за каждый косяк пятьдесят тысяч зелёных. Дополнительно к обещанной половине. – Кивок, и она выдыхает. – Вытрись, – бросаю полотенце за спину.

Что ж, денежная компенсация за каждый промах девчонки действует успокаивающе. Думаю, пока доедем в Тольятти, накапает полмиллиона.

– Остановимся на ночь в городе, – вылавливаю взглядом указатель, понимая, что почти приехали.

– Зачем?

– Во-первых, я целый день провёл за рулём. Мне нужно несколько часов сна. Во-вторых, есть дело, которое появи-

лось раньше тебя.

Изначально планировал оставить Цветочек на квартире и метнуться в нужное место. Но, судя по способности притягивать неприятности, она или квартиру спалит, или себе навредит. Придётся тащить с собой, но не в таком виде. По времени успеваю в торговый центр, на парковке которого оказываемся через пятнадцать минут.

– Ближе подвинься, – разворачиваюсь, чтобы осмотреть девчонку. – Ещё ближе, – с опаской ползёт по сиденью, но требование выполняет.

Накрываю женскую грудь ладонями, слегка сжимая и отмечая приятную упругость, а заодно размер.

– Не лапай меня, – бьёт по рукам, выворачиваясь.

– Захочу – трахну. Вряд ли ты сможешь мне помешать. А пока только снимаю мерки. – Поднимаю футболку, прикидывая объём талии, а затем и бёдер. Больше не сопротивляется, позволяя осмотреть себя. – Любишь танцевать, Цветочек?

– Да! Я пять лет танцами занималась. Даже на стрип-пластику ходила.

– Стрип... что? На шесте, что ли?

– Это красивый, завораживающий танец, показывающий притягательность линий тела. Он наполнен чувственностью, страстью... И там никто не снимает одежду, кстати, – крутит пальчиком, словно я тупой и не понимаю отличий. – Это не стриптиз, где трясут сиськами.

– Ничего не имею против сисек... – задумчиво смотрю на грудь Цветочка. – На них, кстати, и пойдём смотреть.

– Я не хочу смотреть на голых женщин.

– На них буду смотреть я, а ты можешь отправиться в багажник и подождать меня там. Выбирай.

– Сиськи так сиськи, – разочарованно вздыхает, опустив голову. – Не хочу в багажник.

– Умничка, – щёлкаю девчонку по носу. – Меня не будет десять минут, – открываю дверь, чтобы покинуть машину. – Будь добра, за это короткое время не спали машину.

Оставив Цветочек, опасаюсь за имущество, а заодно хочу проверить, насколько любопытной является катастрофа, свалившаяся мне на голову. К тому же не стоит ей светиться на камеры. Захожу в магазин женской одежды, быстро просматриваю товар, останавливаюсь у платьев, но в последний момент решаю, что джинсы и топ будут куда более практичными. Цепляю босоножки и комплект нижнего белья, который так удачно попался на глаза. Оплачиваю и спешу к выходу, издав далеко замечая двух патрульных, наворачивающих круги у машины.

Один из них присаживается, всматриваясь в номер и сверяя с планшетником, зажатым в руке. Видимо, на мою машину кинули ориентировку, и сейчас меня напрягает относительно людное место и невозможность применить оружие. Их двое, а девчонка в машине. И её, кстати, не видно.

– Чем могу помочь? – окликаю патрульных. Смотрю

сквозь лобовое, не вижу Майю.

– Ориентировка прошла на чёрный мерседес.

– Машина не эксклюзивная, цвет распространенный.

– Следы на машине странные. И номер питерский... – мент ещё раз сверяет номер. – В нашем городе по делу?

– По личным причинам, – открываю заднюю дверь, чтобы закинуть пакет и не вижу Цветочек. Пусто. Неожиданно под кожей прокатывается страх за девочку-катастрофу. – На свадьбу к другу приехал, – говорю, осторожно осматриваясь и пытаюсь понять, куда делась Майя.

– Столько проехать на машине, – недоверчиво посматривает патрульный, – можно самолётом.

– Насколько я знаю, в вашем городе аэропорта нет.

– Точно, да...

Второй отходит к патрульной машине, оставляя напарника беседовать со мной. Судя по всему, ему плевать на ориентировки и ответственного коллегу.

– Документы можно?

Ныряю в бардачок, понимая, что рыжая зараза провела инспекцию и нарушила порядок. Достая нужное и отдаю мужику, скрупулёзно проверяющему каждую букву. Спустя пять минут и несколько недобрых взглядов в мою сторону, возвращает документы и прощается. Наблюдаю, как передаёт что-то по рации, а затем машина отъезжает от торгового центра.

– Уехали? – Из-за соседней тачки поднимается рыжая ма-

кушка. – Я так испугалась! Увидела их издалека и тихонько вылезла. Затаилась за соседней машиной, слышала, как они обсуждали чёрный мерседес и нападение на патрульного. Им по рации передали, что он ранен и без сознания. Разыскивают светловолосого мужчину и рыжую девушку.

– А если бы к соседней тачке пошли?

– Я бы за следующую спряталась, там много, – машет рукой в сторону, указывая на длинный ряд машин. – Или бы под неё залезла.

– Я подумал, что ты забралась в багажник. – Усмехаюсь, прикинув, что в непредвиденных ситуациях Майю можно отправлять именно туда: исключение вреда себе и окружающим.

– Как? – исчезает на заднем сиденье. – Они бы заметили. Ой, а что это? – слышу писк. – Это мне, да? О, джинсы, кофточка красивая, и бельё... И босоножки?!

Не успеваю устроиться на месте водителя, как тонкие руки обхватывают сзади, и на мою щёку сыплются частые касания.

– Спасибо, спасибо, спасибо! У тебя отличный вкус! А это просто так или мы идём куда-то? Или чтобы переодеться?

– Я же сказал, идём смотреть на сиськи. Или передумала?

– Не передумала... – Её руки исчезают, лишая приятного тепла. – Что за место?

– Ночной клуб. Ты танцуешь, я решаю вопросы.

– А выпить можно? – воодушевляется.

– Можно – воду. Ты трезвая-то источник проблем, а уж под градусом сможешь столько наворотить, что я не разгребу.

Пакет шуршит, и Цветочек стягивает футболку, откидывая в сторону.

– Стоп. Заедем на квартиру, примем душ и перекусим. Так что натягивай обратно, – жду, когда футболка вернётся на место. – Когда окажемся на месте, берёшь вещи и идёшь за мной: без вопросов и восклицаний. Ясно?

– Да.

– Если видишь камеру, опусти голову. Поняла?

– Да.

– Если ещё раз залезешь в бардачок и тронешь мои вещи, остаток пути проведёшь в багажнике. Понятно?

– Да... – вздыхает, потупив взгляд. – А как ты узнал?

– Рылась, как свинья в апельсинах. У меня своя система, поэтому вторжение заметно сразу.

– А ты...

– Не Валерий Романенко, не Антон Свинов и даже не Иннокентий Савченко. Все эти имена далеки от моего настоящего.

– Может, всё-таки представишься? – придвигается и кладёт подбородок на моё плечо. – Только имя.

– Мы не настолько близки, чтобы я сливал тебе личные данные.

Включаю зажигание и покидаю парковку, чтобы отпра-

виться по знакомому адресу. Одна из десятков неприметных квартир по всей стране, чтобы провести ночь и пересидеть в случае необходимости.

– Не настолько? Ты видел меня голой, лапал мою грудь и сделал соучастницей преступления.

– А ещё терпел твой бесконечный пиздёж и истерику. Последнее, кстати, перекрывает три твоих пункта. Так что смирись, что в твоих воспоминаниях я навсегда останусь исключительно Оводом.

Глава 8

– Я первый в душ.

Скидываю сумку и направляюсь в ванную, пока Цветочек осматривается, проверяя вид из окна. Смотреть нечего. Тихое место в отдалённом спальном районе, подальше от центра и множества камер, которые сейчас установлены на каждом углу. Встаю под прохладный поток, смывая с себя этот день и чёртову жару, словно раскалённый прут прожигающую воздух. Обтираюсь полотенцем, когда слышу грохот и звон стекла. Она может пять минут ничего не разрушать?

– Я нечаянно... – мнётся у разбитой лампы, превратившейся в стеклянный пазл на полу. – Сейчас всё соберу.

Хватает пальцами осколки, собирая в ладонь, но неожиданно вскрикивает, поранившись. Касается языком кожи, слизывая красную каплю, которая вот-вот окажется на полу.

– Плюс пятьдесят, – произношу фразу, которая становится привычной. – За порчу имущества. А теперь в душ. У тебя полчаса, – бросаю ей пакет со шмотками, – ни минутой дольше.

Цветочек исчезает за дверью, пока я избавляюсь от следов её пребывания в квартире. Не успела зайти, как принялась крушить окружающее пространство. Ставлю мусорное ведро и слышу визг. Врываюсь в ванную, успеваю подхватить тело, падающее мне в руки, поскользнуться, удариться локтем,

снова поскользнуться, попытаться ухватиться за какой-нибудь предмет, но, удерживая одной рукой Майю, теряю равновесие и падаю на пол. Девчонка оказывается сверху, тяжело дышит, крепко зажмурившись и вцепившись пальцами в мои плечи. Так и лежим на холодной плитке, медленно приходя в себя и выравнивая дыхание.

Я. Хочу. Её. Придушить.

Прямо сейчас сомкнуть пальцы на тонкой шее, почувствовав, как под кожей пробивается венка и трепещет сердце, чтобы избавиться нахрен от этой катастрофы на двух ногах.

– Мне больно, – шепчет, не открывая глаз.

– Да ладно? Правда? Посмотрел бы на тебя, если бы я рухнул сверху.

– Ты больно сжимаешь мою попу.

Действительно, я впился в её задницу, словно это единственное, что могло помочь удержаться на ногах. Она обнажена и наполовину мокрая, но это не мешает ощущать бархатную кожу и твёрдые соски, царапающие мою грудь от каждого движения Цветочка.

– Какого хрена визжала?

– Встала под душ, а оттуда хлынула ледяная вода. От неожиданности шагнула назад, зацепилась за бортик и полетела на пол, где ты меня и подхватил.

– Вчера ты сделала то же самое. Проверить температуру не подумала?

– Ты дал мало времени. Торопилась...

Теперь она стоит передо мной, понуро опустив голову и рассматривая пальчики на ногах. Открываю рот, чтобы отчитать это чумовое создание, принёсшее за одни сутки больше проблем, чем за последние лет пять, но закрываю. Наполовину мокрая копна смешно примята на макушке, а по бокам торчат рыжие кудряшки. Неосознанно улыбаюсь, прикидывая, сколько ещё проблем подкинет мне девочка-катастрофа. Заталкиваю её в кабину, предварительно настроив воду, и, мазнув взглядом по женскому телу, спешу удалиться.

Смешная девочка вызывает отклик в моём теле, которое реагирует твёрдым стояком и мимолётным желанием вернуться, чтобы составить компанию в душе. Отгоняю ненужную сейчас мысль, напоминая, что она клиент, за которого я получу приличную оплату. А может, и не получу... В таком случае поймею, чтобы заткнуть раздражающие позывы, и свалю в закат, продолжив размеренную и понятную жизнь.

Следующие полчаса прислушиваюсь к звукам, доносящимся из-за двери, готовый за пару секунд оказаться в небольшом помещении и не позволить ей сломать шею. Это сделаю я, если Цветочек подведёт меня к грани.

– Я там нашла косметику и воспользовалась.

Крутится передо мной в обтягивающих джинсах и топе с глубоким вырезом, который я на ней представлял себе по-другому. Точно не так... привлекательно. Так, блядь, «Хьюстон, у нас проблема».

– Поехали, – подхватываю ключи и жду, когда Майя застегнёт босоножки.

Прохаживается и едва заметно морщится, потирая ногу.

– Ранка болит. Не знаю, сколько вытерплю.

– Недолго, – успокаиваю, прикидывая, что встреча займёт меньше получаса. – Зависнуть на всю ночь не планировал. Хочу выспаться. Уедем на рассвете.

Проплывает мимо меня, подмахивая задницей, которая смотрится смачно в тисках узких джинсов. Надо было балахон до колен купить, чтобы Цветочек выглядела отталкивающе. Но мне нужно, чтобы в клубе она не выделялась, позволив решить вопрос и тихо уехать.

– На переднее, – подсказываю, когда она собирается сесть сзади.

– Можно, да?

Плюхается, тут же настраивая под себя сиденье. Зажимает кнопку, спинка резко поднимается, ударив её по спине, Цветочек по инерции подаётся вперёд и прикладывается лицом о панель. Стонет, зажав нос ладонью.

– Блядь, ты можешь хоть что-то сделать без вреда для себя и моей машины?! – рычу, готовый вернуть её в квартиру и связать, чтобы следующий час этот рыжий хаос никому не навредил. – Дай посмотрю. – Откидываю её ладонь, отмечая, что нос цел, но на нижней губе кровь.

Смахиваю каплю, отметив небольшую трещину, и подаю салфетку, чтобы приложила к ушибленному месту.

– Пошли, – открываю дверь и уже выставив одну ногу. – Закрою тебя в квартире. Съезжу сам.

– Нет-нет-нет, – останавливает, – я хочу поехать. Пожалуйста.

Слёзы, застывшие в глазах после удара, готовы сорваться плотным потоком в случае моего отказа. И вот нахрена мне это надо? А впрочем, одну истерику я уже пережил, не думаю, что Майя меня удивит сейчас.

– Ну ладно, – соглашаюсь, предвкушая, что поплачусь за своё решение. – Сядь, ничего не трогай. Просто спокойно сиди.

Послушно кладёт руки на колени и застывает. Это ненадолго, но хватит, чтобы доехать до места. Двигаемся в тишине, я лишь иногда поглядываю на девушку. Затихла. Не к добру это. Лучше бы болтала, так привычнее.

– Кровь больше не идёт?

– Нет. Всё нормально. Ранка маленькая. – Смотрит в зеркало, где отчётливо видна припухшая губа. – Скажи, откуда в твоей квартире косметика?

– Понятия не имею.

– Косметика означает, что там была женщина.

– Может, и была, – равнодушно пожимаю плечами. – Я же не деревянный по пояс. Мне иногда трахаться нужно.

– То есть ты там с кем-то...

– А ты мне, что, жена, что ли? – Одариваю Цветочек недовольным взглядом, показывающим, что нужно заткнуться. –

Не нравится хата, можешь спать в машине. Личные подробности тебя не касаются. Я же не спрашиваю, сколько раз ты на члене скакала.

– Один, – тут же отвечает.

– Не понял, в смысле «один»? – Лишняя информация мне без надобности, но становится интересно, кто тот счастливчик, кто сделал Цветочек женщиной. Я-то подумал, что она с хорьком активно кувыркается.

– В лицее я была сосредоточена на учёбе. Одноклассники сбивались в группки по интересам, а со мной почти никто не дружил. Я не шаталась по клубам, не устраивала вечеринки, не разбивала дорогие машины, не курила, не нюхала, не кололась. Да и моя внешность к особому вниманию со стороны мальчиков не располагала: конопатая, рыжая, нескладная девочка. В универе стало проще с общением, а с противоположным полом осталось на том же уровне. То есть никак. Девчонки часто болтали, рассказывая об интимной жизни и озвучивая разные ситуации, проговаривая, что в девятнадцать лет быть девственницей просто неприлично. А я сидела с открытым ртом и чувствовала себя белой вороной. Попросила Тимура сделать меня женщиной, чтобы тоже иметь в своём арсенале подобную историю.

– И как, есть что рассказать? – подтруниваю над девчонкой, у которой даже кончики ушей покраснели.

– Я ничего не помню.

– То есть он целку сбил, но ты не помнишь. Это как?

– Я попросила, он согласился. Нервничала, переживала, чтобы всё прошло гладко. Тим предложил выпить немного мартини, чтобы расслабиться. Перебрала с алкоголем, в какой-то момент отключилась, а проснувшись, обнаружила на внутренней стороне бёдер кровь. Тим сказал, что всё сделал.

– Охуеть. – Единственная реакция, которая срывается с моих губ, потому что иные вариации не подходят под описанную ситуацию. – Он нормальный?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что трахать бабу в отключке сомнительное удовольствие. Это как пердеть в ураган – результат одинаков. Проще подрочить. – Замечаю, как она сжимается после моих слов. – Так, а дальше? От девственности тебя избавил, можно не ограничиваться.

– А дальше ничего.

– Снова не понял. Ты с ним сколько встречаешься?

– Больше полугода. Познакомились в универе, общались без ограничений. Отец был в другом городе, от охраны я научилась сбегать. Да и охранник особо меня не искал.

И тот факт, что Потоцкий дотошно не оберегал единственную дочь, для меня удивителен. Да, проблем он избегал, но его клиентами были люди, которых нужно опасаться всегда.

– Цветочек, ты же понимаешь: если мужик не трахает тебя, он трахает кого-то другого?

– Понимаю. – Соглашается, чем удивляет ещё больше. –

Но для меня важно другое. Он мой человек, понимаешь? Тим меня чувствует, слышит, всегда придёт на помощь. Для меня это важно, а секс... Может, и хорошо, что я не помню. Не думаю, что мне понравилось.

– Не думаешь или точно знаешь?

– Не знаю. Тим сказал, что он вошёл и вышел...

– Ага, блядь, и дверь за собой закрыл. На замок. Амбарный... – начинаю ржать, не в силах сдержаться. Наивность Майи разносит логику в хлам. – А сигнализации у тебя там нет? – накрываю ладонью низ живота девчонки, ощутимо сжав. Ойкает и бьёт по руке, сведя плотно ноги и вытесняя. – Давно я так не смеялся.

– Не все зациклены на сексе, как ты.

– Открою тебе секрет: нормальный половозрелый мужик думает о сексе три раза в день. А то и чаще, в зависимости от длительности его отсутствия. Кому-то жизненно необходимо потрахаться три раза в неделю, а кому-то каждый день.

– А тебе? – Вопрос прилетает неожиданно.

– Могу перебиться в ручном режиме пару недель.

– Не думала, что у тебя проблема найти женщину. – Ехидная улыбочка приближает Цветочек к наказанию.

– Я в дороге неделями, – поясняю той, что близка к жёсткому ответу. – Как правило, мои пассажиры мужчины. В моём случае расслабиться – значит нарушить график, а я люблю, когда всё чётко. Шлюх на трассе не жалею – на них смотреть страшно, не то что трахать. Предпочитаю места почище

или же кратковременные отношения.

Не знаю, какого хера я такой откровенный с девчонкой, но выражение, с которым она меня слушает, подкупает. Будто впервые слышит, как устроен этот мир.

– То есть отношения у тебя были? – воодушевляется, приготовившись к допросу с пристрастием.

– Я тебе больше скажу, Цветочек, у меня даже жена была.

Не тот момент, о котором вспоминают с теплотой, но Вика в ЗАГС меня затащила. Скорее, это сделал папаша, настаивавший на нашем браке, но «счастливая семейная жизнь» оказалась недолгой.

– Да ладно?! А какая она была? Как звали? Как выглядела? А почему вы развелись? Ты ей изменил? Или просто бросил? Или она тебя? Или решение обоюдное? А дети есть? Сколько?

– Стоп! – прерываю поток вопросов, накрывая рот девчонки ладонью. – Не твоего. Ума. Дело. Ясно?

Часто кивает. Убираю ладонь, молюсь, чтобы её рот не открывался. Скорее бы ночь. Эта тарахтелка заткнётся, позволив по-человечески отдохнуть.

– А ещё...

– Напоминаю про правила.

Действует безотказно, и Майя молчит остаток пути. Яркая вывеска и толпа дают понять, что место популярное и посещаемое. С трудом нахожу место для парковки, воткнувшись между двумя жёлтыми гелендвагенами. В курсе, кому

они принадлежат. Заказчик здесь и ждёт меня.

– Заходим в клуб, ты дрыгаешься на танцполе, я решаю дела. Полчаса, и возвращаемся. Всё понятно?

– Да. – Поворачиваюсь, направляясь к входу. – А коктейль можно?

– Повторю – нет.

– А почему?

– Ты трезвая вызываешь непреодолимое желание придушить, а что будет, если в твой организм попадёт алкоголь, я даже представлять не хочу.

– Ну и ладно...

Тащится следом, цокая каблуками. Два больших парня на входе пропускают внутрь, не задавая вопросов. Громкая музыка разрывает барабанные перепонки, а скачущие люди сливаются в бесформенную массу без лиц. Оставляю Цветочек посредине, показывая, что отсюда я её и заберу. Сделав пару шагов, оборачиваюсь – она танцует, мгновенно врываясь в веселье. Хотел бы я, как она, переключаться настолько быстро, чтобы не помнить, как несколько часов назад стал свидетелем стрельбы.

Иду в ВИП-зону, издалека заметив Швацкого и его свиту. Привычно развалился в кресле, равнодушно ползает взглядом по девочкам, выбирая вариант на ночь. Никаких долгосрочных отношений: трахнул, подкинул бабла и выкинул.

– Опаздываешь, – скудный комментарий и приглашение занять кресло напротив.

– Клиент задержал.

Бросаю взгляд, мгновенно выцепив рыжую копну. Девчонка на месте. Но расслабляться не стоит, эта неутомная задница способна найти проблемы на ровном месте.

– Документы, – кладёт запечатанный пухлый конверт без опознавательных знаков. – Двадцать сверху за доставку без сопровождения.

При иных обстоятельствах я бы ответил отказом, но не сейчас, когда один пассажир уже имеется. Третий случай за годы работы, когда я соглашаюсь побыть почтовым голубем.

– Договорились. Правила ты знаешь.

Рядом ложится второй конверт. Швацкий не жалуется переводы, расплачиваясь наличкой. Мне без разницы, поэтому, проверив содержимое, скрепляю соглашение.

– Слышал, Потоцкий отошёл в мир иной? – Как бы невзначай подкидывает информацию, зная, что с Банкиром я сотрудничал неоднократно.

– Слышал. Последняя работа была для него.

– Никто не ожидал. Некоторые нервничают.

«Нервничают» на языке Швацкого означает «все в грёбаной панике, потому что работали с Банкиром, предоставляя документы с интересными цифрами, являющимися леваком».

– Моё дело маленькое: дальше положенного не лезу.

– Поговаривают, – перегибается через невысокий стол, – идёт охота за сейфом Банкира. Вдова устраивает аукцион.

Меркантильная сука решила нажиться, планируя избавиться от Цветочка и получить все возможные бонусы после смерти мужа.

– Участвуешь?

– Однозначно. Моя папочка там тоже им...

Осекается на полуслове, сосредоточившись на чём-то настолько интересном, что забывает об обсуждаемой теме. И единственное, что его интересует больше, чем деньги, – женщины. Красивые женщины. Отследив взгляд Швацкого, поворачиваюсь и... Твою мать!

Место на огороженном подиуме, предназначенном для полуголых танцовщиц, занимает Цветочек. Чем она там занималась? Стрип-пластикой? Танец, имитирующий эротический, завораживает. Залипаю, не веря, что вижу ту, что и шага не может сделать, не нажив проблем. Сейчас другая: мягкая, пластичная, раскрепощённая, сексуальная... Она словно перевоплощается с каждым движением тела, примеряя на себя новую роль, невозможную в реальной жизни. Или я ошибаюсь? Возможно, здесь найдётся ещё одна рыжая катастрофа, решившая показать задницу всему клубу. Увы, нет.

Какой-то мужик поднимается по ступеням и, шепнув что-то Цветочку, утягивает за собой. Внутри просыпается собственническое чувство, готов вскочить, но понимаю, что её ведут к нашему столу. Швацкий выбрал компанию на ночь.

– Привет, котёнок, – захлёбывается нетерпением, жадно

«облизывая» её взглядом. – Составишь мне компанию?

Охранник тут же выставляет кресло, но Майя в недоумении, ищет поддержки в моём лице. Да, Цветочек, потрясла задницей – разгребай. Молчит, заламывая пальцы. Близка к панике и слезам, что сейчас мне совсем не нужно.

– Составит, – разбиваю заинтересованность Швацкого. – Мне.

Подзываю девчонку, демонстративно усаживая на колени и сжимая пятернёй бедро под разочарованным взглядом собеседника. Цветочек обвивает мою шею руками, вжимаясь телом и тяжело дыша. Нервничает, напряжённо сглатывая и посматривая на Швацкого, стояк которого показывает, как далеко он зашёл в своих фантазиях.

– Он так смотрит, будто готов меня сожрать, – шепчет Майя, уткнувшись в мою шею.

– Не сожрать – выебать, – зарывшись в копну кудряшек, отвечаю так же тихо. – Думать надо, прежде чем задницу выставлять, – в подтверждение своих слов прикладываюсь ладонью к этой самой заднице. – Если вопрос решён, мы вас покинем, – обращаюсь к Швацкому, лениво кивающему и не сводящему взгляда с Цветочка. Милая зверушка ушла в другие руки, а точнее, на другой член.

Прощаюсь с клиентом и, прихватив конверты, спешу покинуть клуб. Подталкиваю Цветочек, не позволяя задержаться и зацепить ещё кого-нибудь.

– Он правда меня хотел?.. – тащится следом, бросая во-

прос в спину. – Ну... то, что ты сказал.

– Выебать? – резко остановившись, наблюдаю, как конопатый нос утыкается в мою грудь. – Пару коктейлей, приглашение в гости, секс и крупная сумма за старания.

– Насколько крупная? – наклоняет голову, с интересом ожидая ответа.

– Достаточно.

– А может... надо было согласиться? Он вроде не урод, да и деньги мне сейчас очень нужны.

И если девочка-катастрофа решила подобным примитивным способом вызвать меня на эмоции, ошиблась. Разворачиваю её и направляюсь обратно.

– Ты куда?

– Как куда? Ты же бабла срубить хочешь, так вперёд. Усажу тебя рядом со Швацким и сваю, избавившись от проблем. Шагай! – подталкиваю Цветочек. – Поспеш, иначе твоё место займёт другая.

– Не надо! – вырывается и пятится. – Я пошутила. Овод, я пошутила! Я не хочу к нему, – хнычет, испугавшись, что исполню обещание.

Притягиваю к себе, с силой обхватив пальцами острый подбородок и не позволяя отвернуться, чтобы ни одно слово не ушло в пустоту.

– Причины твоих проблем: зря открыла рот, зря промолчала. Научись грамотно чередовать эти действия, чтобы не расстаться с жизнью раньше времени. – Кивает, прожигая

огромными зелёными глазищами, наполненными ужасом. – Если ты решила поиграть в «догони меня», разочарую – на эту хуйню я не ведусь. Как и на маленьких рыжих конопатых девочек с паршивым характером. Ты меня услышала? – Вновь кивок. – Скажи вслух!

– Да!

– В машину, – отпускаю дрожащее тело, направляясь к тачке. – Остаток вечера я хочу провести в тишине.

Цветочек, юркнув на переднее сиденье, замирает. Боялась, что оставлю здесь? Правильно боялась. Я был в шаге от решения избавиться от проблемы прямо сейчас. Включаю музыку и наслаждаюсь тишиной, благодаря Майю за ошибку и возможность не слышать щебетания хотя бы полчаса.

Вхожу в квартиру, включаю ночник, создав приятный полумрак, раздеваюсь, накручиваю кондиционер на шестнадцать градусов, готовый выть от летней духоты, и падаю на кровать, наконец, расслабив затёкшую в дороге спину. Полдня мечтал, чтобы занять горизонтальное положение.

– Здесь нет кресла, – слышу тихий голосок Цветочка, – где мне спать? Я могу на полу...

Покладистая и зажатая Майя непривычна. Застыла посреди комнаты, ожидая вердикта. И я могу указать ей на коврик у двери, дабы проучить, но понимаю, что не смогу уснуть под жалобные всхлипы.

– Сюда иди, – бью ладонью рядом.

Скидывает одежду, а я, укутавшись в одеяло и выключив

ночник, почти расслабляюсь. Крадётся, нащупывая в темноте предметы, а я предвкушаю: три, два, один...

– Ай! – стонет. – Ударилась мизинцем...

– Да кто бы сомневался.

Матрас прогибается под небольшим весом Цветочка, которая скромно устроилась почти на краю, чтобы не прикасаться ко мне.

– Овод, мне холодно. Выключи кондиционер или дай, чем накрыться.

– Одеяло одно.

– Понятно... – ворочается, чем раздражает.

– Ладно, как истинный джентльмен, я готов уступить даме место под своим одеялом.

Откинув край, жду, когда рыжая подползёт, устроившись рядом. Словно ледышка, каждым касанием покрывает кожу колючими иголочками, и прижимается, чтобы согреться. Предпочитаю спать один и не чувствовать дискомфорт, когда кто-то жмётся и оплетает, подобно осьминогу. Но последние сутки я делаю исключение за исключением, ради той, что наполнила мою жизнь хаосом. Майя почти сразу засыпает, пригравшись под боком, и я, радуясь, что она наконец-то молчит, отключаюсь.

Глава 9

Майя

Так сладко, что не хочется открывать глаза и выползать из-под одеяла. Сон ещё не отпустил, но, болтаясь на грани пробуждения, чувствую большое тело, прижимающее и обволакивающее теплом. Так хорошо мне давно не было. И, даже несмотря на вчерашний жёсткий выпад Овода, сейчас готова стонать от неги, подчиняющей тело. А ещё в ягодицу упирается нечто большое и твёрдое. Может, я и не сильна в вопросах секса, но прекрасно понимаю, что предмет, доставляющий неудобство, имеет физиологический аспект, присущий всем мужчинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.